

4° P. o. russ. 87 (1)

crea all

Q.

Reserve

Zhukovsky, Poems

2 vols.

Zukovsky, the first pioneer
and the accepted patriarch of
the Golden Age of poetry.

Five set in original state

4° P. o. ruz. 87 (1)

Reserve

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Ж.

20187/637

С. ПЕТЕРБУРГЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Василія Жуковскаго

Часть I.

СТР. 124.

Q

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1815.

Res.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ЖУКОВСКАГО.

Ч А С Т Ъ І.

Лирическія стихотворенія.

Посланія.

Романсы и пѣсни.

..... wer den besten seiner Zeit
Genug gethan, der hat gelebt für alle Zeiten.

Schiller.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Медицинской типографіи

1815.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шѣмъ, чѣшбы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи пред-
ставлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Ми-
нистерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для импера-
торской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской
Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октябръ 7 дня 1815 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кас. Ив. Тилкескій.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Е Р В О Й Ч А С Т И.

Стран.

Лирическія стихотворенія.

Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей (1806) . . .	3.
На смерть Фельдмаршала Графа Каменскаго	19.
Пѣвецъ во снахъ Рускихъ воиновъ (1812)	25.

П о с л а н і я.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ (1814)	61.
Государынѣ Императрицѣ МАРИИ ѲЕОДОРОВНѣ (1813) . . .	83.
Вождю побѣдителей (1812)	91.
Къ Воейкову (1814)	99.
Къ Блудову (1809)	116.
Къ Вяземскому и Пушкину (1814)	123.
Къ Филалешу (1808)	123.
Къ Нинѣ (1808)	137.
Къ Князю Вяземскому (1814)	145.
Къ Бапюшкову (1811)	153.
Къ Тургеневу (1813)	183.
Спарцу Эверсу (1815)	193.

Р о м а н с ы и П ѣ с н и.

Тоска по миломъ. Подражаніе Шиллеру (1808)	199.
Мальвина. Съ Французскаго (1808)	201.
Цвѣпокъ. Съ Французскаго (1811)	203.

	Спраи.
Пѣснь Араба надъ могилою коня. Съ Французскаго (1810)	. 205.
Добрая мать (1811)	 208.
Пловець (1811)	 211.
Пѣсня (1810)	 213.
Пѣсня (1808)	 215.
Пѣсня. Подраж. Нѣмец. (1811)	 217.
Жалоба. Изъ Шиллера (1811)	 219.
Пѣвецъ	 221.
Путешественникъ. Изъ Шиллера (1809)	 224.
Сиротка (1813)	 227.
Желаніе. Изъ Шиллера (1811)	 230.
Узникъ къ мопыльку, влещѣвшему въ его темницу. Съ Фр. (1813)	232.
Элизіумъ. Изъ Маттисона (1812)	 236.
Мечты. Изъ Шиллера (1812)	 239.
Пѣснь Рускому Царю ошъ Его воиновъ (1815)	 243.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕРХНЯЯ СТУПЕНЬ

П Ъ С Н Ъ Б А Р Д А

Н А Д Ъ Г Р О Б О М Ъ

С Л А В Я Н Ъ П О Б Ъ Д И Т Е Л Е Й.

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

П Ъ С Н Ъ Б А Р Д А
Н А Д Ъ Т Р О В О М Ъ
С Л А В Я Н Ъ П О Б Ъ Д И Т Е Л Е Й.

„Ударь во звонкій щипъ! спекипесь, ополченны!
Умолкла брань — враги упихли распоченны!
Лишь парь надъ пепломъ сель гуспой;
Лишь волкъ, сокрытый ноци мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный;
Зажжемъ косперъ дубовъ; изройте ровъ могильный;
Сложите на щипы поверженныхъ во прахъ:
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могущихъ слѣдъ священной!“
Гремишь.... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной....
Спеклись! вождей и раннихъ сонмъ;
Глухой полноци пѣма крутомъ;
Предъ ними вѣщій Бардъ, вѣнчанный сѣдиною,
И падшихъ спрашныи рядъ, проспершихъ на щипахъ;

Часть I.

г

Объяты думою, съ поникнутой главою;

На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;

Оперлись на мечи, средъ нихъ косперъ пылаесть,

И съ свисомъ горный въспрь ихъ кудри воздымаесть.

И се! воздвигся холмъ, и камень водружень,

И дубъ — краса полей, воспишанный вѣками,

Склонилъ главу на дернь, попокомъ орошень;

И се! могущими перспами

Пѣвецъ ударилъ по спрунамъ —

Одушевленны забряцали;

Воспѣль — дубравы заспенали,

И гуль помчался по горамъ:

„О сладкихъ пѣсней масть, пѣвица бивъ священна,

О Бардовъ лира вдохновенна!

Проснись — да оживень хвала въ твоихъ спрунахъ!

Да твои бранныя низринутыхъ во прахъ,

Скипаясь при лунѣ по пучамъ злапоруннымъ,

Сойдуть на мрачный доль, гдѣ миръ надъ пещомъ ихъ,

Обвороженны бряцаньемъ пихоспруннымъ! —

Какъ пали сильные? какъ сильныхъ громъ ушихъ?

Гдѣ вы, сыны побѣдъ? гдѣ славныхъ воевъ сила?

Опвѣспивуй, мрачная безпрепечныхъ могила!...

Какъ орлій со скалы пуспившійся ппенець,

Въ первые возшумѣвъ опважными крилами,

Близъ солнца зря прудовъ и поприща конецъ,

Паришь, превыспренній, и вдругъ, небесъ громами

Сожженный посреди спремленья къ высямъ,
 Въ гремящихъ пучахъ исчезаетъ
 Такъ палъ съ побѣдой Россы! паденье—спрахъ врагамъ!“

„О бивы грозный видъ! смопри! перунъ сверкаетъ!
 Се мчашся! грудь на грудь! дружинъ сомкнурыхъ сонмъ;
 Средь дымныхъ вихрей бой и громъ;
 По шлемамъ звукъ мечей; коней пронзенныхъ ржанье;
 И трубъ спозвучный прескъ! Опъ попопа копышь,
 Опъ пренія бойцевъ, опъ кликовъ и спенанья,
 Смященный воешь боръ, и долъ гремя дрожишь!

О спрашый видъ погранныхъ боемъ!
 Топъ зыблепся въ крови, съ глухимъ кончаясь воемъ;
 Топъ, вихремъ мчасъ, погибъ безспрашныхъ впереди;
 Топъ, шуйцей рану сжавъ, десной изнеможенной
 Опорванну хоругвь скрываетъ на груди;
 Топъ спрашно возспеналь, на копы возхищенный,
 И сверженный во прахъ, дымясь, оцпенель
 О мужество Славянъ! о вицязей предель!“

„Хвала на жершву принесеннымъ
 За родшихъ, брапий и супругъ!
 Хвала опечеснва хранителямъ священнымъ!
 Хвала, хвала шебъ, о падшій славы другъ!“

Пускай безвѣспный погибаетъ
 Сей жипель праха — червь душой;
 Пустъ въ дольномъ мракѣ жизнь годами исчисляетъ....
 Безсмертныя сынъ, пвой рокъ громовой печь спезей!
 Пари, блиспай, превознесенный!
 Погибнешъ въ высотъ — весь мѣръ пвой мавзолей!
 Безславный ждепъ, помясь, кончины вялыхъ дней,
 До времени во мглѣ могилы погребенный!
 Равны концемъ и часъ и вѣкъ;
 Разлука съ жизнью мигъ; заупра, или нынѣ;
 Перуномъ ли угась; незримый ли прошекъ;
 Царемъ или рабомъ судьбинѣ! “

„Блаженъ почившій на громахъ
 Въ виду опчизны благодарной,
 И въ гробъ сопровивнымъ спрахъ,
 И въ гробъ озаренъ денницей лучезарной!
 Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ....
 О юноша, о пы, безсмертною приобщенный!
 Коль быспро совершенъ пвой выпреннѣй полепъ!
 Се онъ, низринутый на щипъ окровавленный!
 Поникъ геройскою главой;
 Надъ нимъ кончины часъ; ужъ взоръ недвижный
 пмипся....
 Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ, но къ родинѣ свяпой

Еще съ лучемъ любви, еще съ поскою спремися!

Не съспуй, славы сынъ; оспавь сей жизни брегъ;

Ты смерть предупредилъ, на одръ чеспей возлегъ;

Ты спутникъ въ гробъ неуспрашиваемыхъ!

Увы! завидналь часъ веригой лѣтъ помимыхъ?

Герой, одрахшій подъ вѣнкомъ,

Приникшій къ коспылю израненнымъ челомъ,

Могущихъ переживъ, оспавленный друзьями,

Опвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,

Успалый ждетъ конца — и смерть ему покой;

Блаженъ, коль славный пунъ со славой довершаетъ;

Когда вѣнки и чеспъ беретъ во прахъ съ собой,

И въ лаврахъ посѣдѣвъ, на лаврахъ угасаетъ!

Здѣсь, брашья, вѣчно мирны вы!

Почійте сладко, незабвенны!

О вы — ловца похравъ въ сѣняхъ погибши львы!

О спутники побѣдъ, коварспвомъ низложенны!

Беспрашныхъ перспъ — попомспву даръ!

О васъ сей будетъ холмъ бесѣдованъ съ вѣками:

Онъ сильнымъ возвѣспитъ, какъ пали вы съ громами;

Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родитъ ко славѣ жаръ.“

„Здѣсь Бардъ грядущихъ лѣтъ, объятъ глубокой думой,

Въ шопъ часъ — какъ всюду мракъ полунощи утрюмой,

Когда безмолвенъ долъ, и мѣсяцъ изъ-за пучъ

Повременно свой ликъ задумчивый являешь,
И серна, прискакавъ на шумный въ камняхъ ключъ,
Недвижно, робкая, журчанью спруй внимаешь —

Къ пропекшимъ воспаришь вѣкамъ,
Пробудить звономъ спрунь насупленну дубраву,
И мыслию спремясь великихъ по слѣдамъ,
Изъ персипи воззовешь давно-почившихъ славу!

Здѣсь, въ сумракъ возсѣвъ,
Пришедъ изъ края дальна,
Краса Славянскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольешь въ слезахъ,
И грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могила миръ священной
Рыданьемъ возмутишь.
Увы! здѣсь въ сонмѣ падшихъ
Герой прелесный спишь;
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ.
Воскреснуть вспоминанья
О благахъ прежнихъ льтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви свяшой;
Воскреснешъ часъ разлуки,
Когда, летящій въ бой,

Приѣмля громы въ руки,
 Другъ сердца, сильнымъ спрахъ,
 Красою образъ Дѣда,
 Съ уныніемъ въ очахъ,
 Съ блиспаньемъ Свѣшова,
 Сказаль: проси на вѣкъ!
 Шеломъ надвинуль бранной,
 Вздохнулъ, какъ вихрь пошекъ,

И съ сонмомъ рапныхъ силъ исчезъ въ дали шуманной.

Сюда придетъ опчизны сынъ,
 Героевъ племя, Славянинъ,
 Дѣлами предковъ распаленный;

Обыметь надшихъ гробъ, и вонмётъ гласъ священій,
 Къ нему изъ глубины рекуцій: будь великъ!

Предспануть предъ него пропекшихъ рапей бои,
 И въ молнійныхъ браздахъ вожей побѣды ликъ!...
 Почійте! мирный сонъ, о брашья, о герон!...

Умолкъ..... и спрунь исчезъ въ пуспынномъ небѣ звонъ;
 И опзывъ по горахъ, и дебри усыпились;

Сонмъ бранныхъ скорбью осенёнъ:

Ихъ взоры на курганъ недвижные вперились;

Безгласны, въ грозной тишинѣ;

На лицахъ мщенья жаръ — ихъ груди гнѣвъ спираетъ,

И яроспи нѣмой въ зѣницахъ огонь пылаетъ.

Молчанье — окресть покой — надъ ними въ вышнѣ
 Изъ пучь, влекущихся грядою,
 Бросая пихій блескъ на дѣбрь, и доль, и лѣсь,
 Луна невидимой спезёю
 Среди полунощныхъ небесъ
 Свершаенъ, мирная, свой покъ уединенный.
 Но се! таинственнымъ видѣнїемъ во мглѣ
 Пѣвецъ воспрянулъ пораженный!
 Сѣдины дыбомъ на челѣ;
 Смяпеніе въ очахъ, во членахъ препешанье;
 Какъ вихоръ на курганъ онъ съ лирой возлещь....
 Волшебной раздалось бряцанье....
 И снова мощный гласъ пророка возгремѣлъ:
 „Не выль, низверженныхъ полунощные лики,
 Не вы ли, призраки могущихъ, предо мной?
 Они! средь бурныхъ пучь! сплелись рука съ рукой!
 О спрашнѣй сонмъ! о спрашны клики!
 Куда ихъ спрогій взоръ споль грозно усипремленъ?
 Надъ кѣмъ воздушный мечъ вождя ихъ вознесенъ?
 Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
 Внимай! внимай! горь пѣснь гибели поюшь!
 Опмщенья! крови! вошюпъ,
 Сверкая изъ-за пучь ужасными очами.
 Опмщенья, вишязи! опмщенья! громъ во длань!

Воздвигнись, духъ Славянъ! воздвигнись, мѣстѣ и бранѣ!

Се ярый исполинъ, побѣдами надменный!

Поспигну! поражу! разсыплю ихъ полки!

Имъ рабство — даръ моей руки! —

Гремни, на гибель ополченный!“

„Друзья! се часъ побѣдъ! Славяне, возгремимъ!

Просприпе взоръ окрестъ: лишь дебри запусьлы!

Гдѣ пышный видъ полей? гдѣ радостныя селы?

И гдѣ Тевтоновъ мощь, низринувшая Римъ?

Тамъ маперъ гладная изсякшими сосцами,

Проспершая на прахъ, въ младенца кровь лѣпъ;

Тамъ къ пеплу хижины приникшіи сѣдинами,

Недугомъ изнурень, кончины спарецъ ждепъ;

Тамъ чада нищеты — убійство и хищенье;

Тамъ рабства первенецъ неистовый развратъ;

О ясный миръ семей! о нравовъ оскверненье!

О доблестъ прежнихъ лѣпъ! лишь цѣпи тамъ звучапъ;

Лишь хищниковъ бичи подъяпы надъ рабами;

Сокрылись Германа послѣдніе сыны!

Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами!

Въ пусыняхъ; очеса къ землѣ преклонены;

Надъ прахомъ падшаго опечесства рыдаюпъ!“

„О братья! о сыны возвышенных Славянъ!
 Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свыше данъ!
 Омщенья! подъ ярмомъ народы восклицають,
 Да въ прахъ, да въ прахъ падунъ погибели пворцы!...

Воззрише всяпъ тамъ сонмъ священный;
 Тамъ счастья нашихъ дней залого драгоцѣнны;
 Тамъ маперы въ слезахъ; тамъ чада и опцы;
 Тамъ лавроносная опчизна въ ожиданъ.

О виязы, за вами въ слѣдъ
 Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ желанье:
 Да боги ихъ души съ профеями побѣдъ
 По бранямъ припекунъ, опмспивъ, непосрамлены!
 За вами ихъ мольбы лепяпъ воспламенены!
 Вонмше и супругъ, и чадъ, и юныхъ дѣвъ,

Вонмше, воины, моленъ;
 Воззрише на опцевъ коленнопреклоненъ:
 Во славъ, среди могущихъ посѣдѣвъ,
 Подъемлюнъ къ небесамъ препенущя длани,
 И моляпъ: Царь судебъ! за нихъ, за нихъ во брани!
 — О сколь возвышенны спасающіе насъ!

(Въ воспоргъ сердца восклицають
 Возлюбленны, узрѣвъ на бой пекущихъ васъ)
 Какія молніи во взоръ ихъ блискають!

Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!
 О сколь плънипельны, неся во дланяхъ громъ!
 Ониль не полепяпъ на крыльяхъ месши къ бою —

Ониль, оставивши всё блага за собою?
 О незабвенные, о слава наших дней,
 Грядише — благодать самих Небесъ надъ вами!
 Враги да будутъ съѣдъ мечей!
 Да вскорѣ бранными вѣнками
 Священные главы опмспившихъ обовьемъ!
 О часъ блаженнѣйшій свиданья!
 Лепяшъ—въ крови, въ пыли, пѣсняшъ въ опчій домъ;
 Благословенья! лобызанья!
 Воспоргъ души, лишенной словъ!
 Супруги, въ Божій храмъ! вспрѣчайше жениховъ
 Въ одеждѣ брачной, обрученны!
 Да льепся слезъ бальзамъ на раны ихъ священны!
 Опремъ съ ланишъ геройскихъ прахъ!
 Да видомъ не спрашашъ, ни грозными бросями
 Опцы, на колыбель склоненны надъ сынами!
 А вы, недвижные предъ нами на щипахъ,
 Безгласные среди моливъ и ликованій,
 О падшіе друзья, о прахъ полубоговъ,
 Примише скорбный даръ и споновъ и лобзаній
 Опъ женъ рыдающихъ, опъ родныхъ и сыновъ! —
 Могуцеспвенный гласъ! мыль хладны предъ побоею?
 Кошье во длань! воздвигни щипъ!
 Впередъ! на огонь и мечъ громовою спѣною!
 Ужь горній нашъ орель перунами гремишъ;
 Ужь гордо распросперъ крыль передъ полками!

Внимайте сопоспашь съ погибелю печешь,
 Земля пряселся подь конями!
 Попру споною! вошешь.
 Ударимъ! упредимъ! не Россу посрамленье!
 Кто смерти предпочешь дерзнетъ порабощенье?
 Кто согражданъ и спыдъ и плънь?
 Опъ родины свяпой бѣглець оприновень:
 Спрашись онъ опческія сѣни!
 Ему ли осязашь родишеля колѣни?
 Ему ли спарца грудь израненну лобзашь?
 Онъ врагъ своихъ друзей; онъ низкій жизни папъ!“

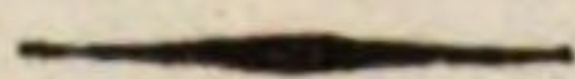
„Нѣпъ! нѣпъ! всей мощью пораженъ
 Низринемъ, Россы, на враговъ!
 Не намъ, не намъ спенашь подь бременемъ оковъ!
 Не намъ предашъ и женъ и чадъ на развращенье!
 Опчизнѣль нашей бышъ добычей ихъ когпей?
 Иль диво намъ карашь надменныхъ?
 О Россъ, о ужасъ дерзновенныхъ!
 Пусшъ смѣюшъ испышашъ: гдѣ мощь руки швоей!
 Уснулиль полчища орлины,
 Кошорыхъ громъ возжегъ Эвксинскія пучины,
 И Скандинавскаго на прахъ повергнуль льва!
 Явись, сразившая Сармаповъ булава!“ — —

Умолкъ и сонмы всколебались! . . .

Щипами грянули чрезъ холмъ, сквозь дебрь и дѣсь,

Воспламененные помчались!

И праха черный вихрь вознесся до небесъ!

Вопросы, связанные с изучением истории, являются одними из самых интересных и важных для нас. В настоящее время мы живем в эпоху, когда информация доступна каждому, но ее качество и достоверность часто вызывают сомнения. Поэтому изучение истории, основанное на фактах и документах, становится особенно актуальным.

История — это не просто перечень дат и событий, это живая наука, которая помогает нам понять, как мы пришли к тому, что есть сейчас. Она учит нас анализировать, критически мыслить и делать выводы. В то же время история — это искусство, которое требует таланта и воображения, чтобы оживить прошлое и сделать его понятным для современников.

Изучение истории позволяет нам увидеть, как менялись ценности, нормы и идеалы общества. Это помогает нам лучше понять себя и свое место в мире. Кроме того, история учит нас на ошибках прошлого, чтобы не повторять их снова. Она дает нам силы и уверенность, чтобы面对未来.

В заключение хочу сказать, что история — это не просто предмет в школе, это часть нашей культуры и идентичности. Она должна быть изучена и любима каждым из нас. Только так мы сможем стать настоящими гражданами своей страны и мира.

Спасибо за внимание. Надеюсь, мои мысли были для вас интересными и полезными. Если у вас есть вопросы или замечания, пожалуйста, не стесняйтесь их высказать. Я буду рад их услышать и обсудить.

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА

ГРАФА

КАМЕНСКАГО.

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА

ГРАФА

КАМЕНСКАГО.

НА СМЕРТЬ ФАРИШАВА

ТРАФА

КАМЕНЕЦКАТО

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА

Г Р А Ф А

КАМЕНСКАГО.

Еще великій прахъ! неизбежный Рокъ!

Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила!

О сколь разительный смиренія урокъ

Сія Каменскаго могила!

Не пыль, грядущее предъ нимъ окинувь мглой,

Открыль его очамъ спезю побѣдъ и чести?

Не пыль его храниль невидимой рукой,

Разящаго перуномъ мести?

Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла смерть и брань;

Сомкнутые мечи на грудь его спремилась —

Вошше! твоя надъ нимъ горь носилась длань

Мечи хранимаго спрашили!

И мнили мы, что онъ послѣдній воспрѣпипъ часъ,
 Просперный на щипъ, въ виду побѣдныхъ спроевъ,
 И угасающій съ улыбкой вонмепъ гласъ
 Объ немъ рыдающихъ героевъ!

Сльщы!... сей славы блескъ лишь бездну украшалъ;
 Сей бишвы спрашный видъ и рапей низложенъ
 Лишь гибели мечпу очамъ его являлъ
 И славной смерти привидѣнъ!...

Кудажъ пвой тайный пупъ Каменскаго привель?
 Куда, могущихъ вождь, побой руководимый,
 Онъ быспро посреди побѣдныхъ кликовъ шель?...
 Увы!... предѣль неопразимый!

Въ сей таинспвенный лѣсъ, гдѣ спражъ пвой обипаль,
 Гдѣ рыскалъ въ шипинъ убійца сокровенный,
 Гдѣ, избранный побой, добычи грозно ждалъ
 Топоръ разбойника презрънный.

О ты, мечтающій вращать земли судьбой,
На счастья высотъ спрашисъ, непобѣдимый!
Пущь сонмы грозныхъ силъ ничто передъ побой —
Спрашисъ!... не дремлетъ врагъ незримый!

Они, не имеющие никаких дел, не имеют
 и никаких дел, не имеют и никаких дел —
 Справедливо!.. не имеют и никаких дел!

П Ъ В Е Ц Ъ

В О С Т А Н Ъ

Р У С К И Х Ъ В О И Н О В Ъ.

Писано послѣ отдачи Москвы, предъ

сраженіемъ при Тарутинѣ.

П Р В Е Н Р

В О С Т А Н

В А С К Н Е В О Н О В

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ РУССКОЙ ИМПЕРИИ

СВЯТЫЙ ПИИ ТРАКТАТ

П Ъ В Е Ц Ъ
В О С Т А Н Ъ
Р У С К И Х Ъ В О И Н О В Ъ.

П Ъ В Е Ц Ъ.

На полѣ бранномъ шишина;
Огни между шапрами!
Друзья! здѣсь свѣшнѣ намъ луна,
Здѣсь кровь небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой;
Дружнѣе, руку въ руку;
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кпо любнѣ видѣнѣ въ чашахъ дно,
Топѣ бодро ищепѣ боя!
О всемогущее вино,
Веселіе Героя!

В О И Н Ъ.

Кпо любнѣ видѣнѣ въ чашахъ дно,
Топѣ бодро ищепѣ боя;
О всемогущее вино,
Веселіе Героя!

П Ъ В Е Ц Ъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!

Вамъ слава, наши дѣды!

Друзья, уже могущихъ нѣтъ!

Ужъ нѣтъ вождей победы!

Ихъ дома вихорь размешалъ;

Ихъ гробы срыли плуги;

И пламень ржавчины сожралъ

Ихъ шлемы и кольчуги;

Но духъ опцевъ воскресъ въ сынахъ!

Ихъ поприще предъ нами

Мы памъ найдемъ ихъ славный прахъ

Съ ихъ славными дѣлами.

Смоприше! въ грозной красотѣ,

Воздушными полками

Ихъ пѣни мчался въ высотѣ

Надъ вашими шапками! . . .

О Свяпославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,

Се пвой полетъ орлиной!

„Погибнемъ! мершвымъ срама нѣтъ!“

Гремимъ передъ дружиной!

И ны, невѣрныхъ спрахъ, Донской,

Съ чепой двухъ соименныхъ,

Лешинь погубельной грозой
На рапъ иноплеменныхъ.

И пы, нашъ Петръ, въ полкъ вождей!
Внимающе кличъ: Полпава!

Орды пришельца съѣдь мечей,
И мѣрь взываетъ: слава!

Давноль, о хищникъ, пожираль
Ты взоромъ наши грады?

Бѣги! пшвой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ — коспей громады!

Бѣги! и спыдъ и спрахъ сокрой
Въ лѣсу съ пшвоимъ Сармапомъ!

Опчизны врагъ сопутникъ пшвой;
Злодѣй владыкъ брапомъ!

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей вишязь полуночи?

Друзья! на спящій вражій спанъ
Впериль онъ спрашны очи;

Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ смутнымъ роемъ

На снѣжныхъ Альповъ высопахъ
Возникли пѣни съ воємъ;

Блѣднѣетъ Галль, дрожитъ Сарманъ
 Въ шапрахъ оныхъ гнѣвныхъ взоровъ....
 О горе! горе, сопосланъ!
 То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
 Хвала вамъ, чада славы!
 Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
 Бѣжимъ на пиръ кровавый!
 Да мчися вашъ побѣдный спрой
 Предъ нашими орлами;
 Да съенъ, намъ предпеча въ бой,
 Погибель надъ врагами!
 Наполни кубокъ! мечъ во длань!
 Внимай намъ, вѣчный Мсшитель!
 За гибель — гибель! брань — за брань!
 И казнь тебѣ, губитель!

В о п н ы.

Наполни кубокъ! мечъ во длань!
 Внимай намъ, вѣчный Мсшитель!
 За гибель — гибель! брань — за брань!
 И казнь тебѣ, губитель!

П ъ в е ц ъ.

Опчизнѣ кубокъ сей, друзья!

Справа, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бышя,

Поля, холмы родные,
Роднаго неба мильи свѣтъ,

Знакомые попоки,
Злапыя игры первыхъ лѣтъ

И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнили?

О родина священная!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все — тамъ родныхъ милый домъ;

Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ!

Мы жизни ихъ ограда!
Тамъ дѣвы — прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,

И Царскій прахъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный!

За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:

Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгушь опцевъ могилы!

В о и н ы.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгушь опцевъ могилы!

П ѣ в е ц ъ.

Тебѣ сей кубокъ, Руской Царь!
Цвѣши Твоя держава!
Священный пронъ Твой намъ олшарь!
Предъ нимъ обѣшь нашъ: слава.
Не измѣнимъ! мы опъ опцовъ
Пріями вѣрносшь съ кровью:
О Царь! здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый рашикъ Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжимъ предапель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный!

В о и н ы.

Не измѣнимъ! мы опъ опцовъ
 Пріали вѣрноснъ съ кровью!
 О Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
 Къ Тебѣ горимъ любовью!

П ѣ в е ц ъ.

Сей кубокъ рапнымъ и вождямъ!
 Въ шапрахъ, на полѣ чеспи
 И жизнь и смернъ — все пополамъ!
 Тамъ дружеснво безъ леспи,
 Рѣшимоснъ, правда, проснопа,
 И правовъ неприпворснво
 И смѣлоснъ — бранныхъ красопа,
 И пвердоснъ, и покорснво!
 Друзья! мы чужды низкихъ узъ!
 Къ вѣнцамъ спезею правой!
 Опасноснъ — пвердый нашъ союзъ!
 Одной пылаемъ славой!

Топъ нашъ, кпо первый въ бой лепинтъ
 На гибель сопосшапа,
 Кпо слабоснъ падшаго щадинтъ,
 И грозно мспинтъ за браша!

Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
 Онъ махомъ мощной длани
 Ихъ мчитъ во сраженье врагамъ,
 Въ среду шумящей брани;
 Ему веселье битвы гласъ;
 Спокоенъ подъ громами;
 Онъ свой послѣдній видитъ часъ
 Безспрашными очами!

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь!
 Герой подъ сѣдинами!
 Какъ юный рапникъ, вихрь и дождь
 И прудъ онъ дѣлитъ съ нами.
 О сколь съ израненнымъ челомъ
 Предъ спроемъ онъ прекрасенъ;
 И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
 И сколь врагу ужасенъ!
 О диво! се орель произилъ
 Надъ нимъ небесъ равнины....
 Могущій вождь главу склонилъ!
 Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадедамъ, орель,
 Пророкомъ славной мещи!

Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
 Пушъ гибели и чesпи;
 Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
 Онъ бодръ и съ сѣдиною;
 Ему знакомъ побѣды слѣдъ
 Довѣренностьъ герою!
 Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
 Москва на расхищенье!
 Тамъ спѣны! въ Россахъ вся она!
 Мы здѣсь — и Богъ нашъ мщенье!

Хвала сподвижникамъ - вождямъ!
 Ермоловъ, выпязь юный,
 Ты рапнымъ брагъ, пы жизнь полкамъ,
 И спрахъ пвои перуны!
 Раевскій — слава нашихъ дней!
 Хвала! передъ рядами
 Онъ первый грудъ прошивъ мечей
 Съ опважными сынами!
 Нашъ Милорадовичъ, хвала!
 Гдѣ онъ промчался съ бранью,
 Тамъ, мнился, смерть сама прошла
 Съ губительною дланью!

Нашъ Вингеншпейнъ, вождь-герой,
 Пешпрополя спаситель,
 Хвала! . . . онъ щипъ спранъ родной,
 Онъ хищныхъ испребишель!
 О сколь величественный видъ,
 Когда передъ рядами,
 Одинъ, склонясь на швердый щипъ,
 Онъ грозными очами
 Блюдепъ прошивниковъ полки,
 Имъ гибель успрояепъ,
 И вдругъ движеніемъ руки
 Ихъ соимы разсыпаепъ!

Хвала тебѣ, Славянъ любовь,
 Нашъ Коновницынъ смѣлый! . . .
 Ничпо ему толпы враговъ,
 Ничпо мечи и стрѣлы;
 Предъ нимъ, за нимъ церунъ гремипъ,
 И пышепъ пламень боя! . . .
 Онъ весель, онъ на гибель зрипъ
 Съ спокойспвіемъ героя;
 Себя забыль однимъ врагамъ
 Гоповипъ испребленье;
 Примъръ и рапнымъ и вождямъ,
 И смѣлымъ удивленье!

Хвала, нашъ вихорь-Апаманъ,
 Вождь невредимыхъ, Плашовъ!
 Твой очарованный арканъ
 Гроза для сопоспашовъ.
 Орломъ шумить по облакамъ,
 По полю волкомъ рыщеть,
 Лешаетъ спрахомъ въ пыль врагамъ,
 Бѣдой имъ въ уни свнщеть;
 Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
 Деревья сыплютъ стрѣлы;
 Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ;
 Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

Хвала, нашъ Неспоръ-Беннигсонъ!
 И вождь и мужъ совѣша,
 Блюдесть враговъ не дремля онъ,
 Какъ змѣй орель съ полеша.
 Хвала, нашъ Ошперманъ-герой,
 Въ часъ битвы рапникъ смѣлый!
 И Тормасовъ, лепящій въ бой,
 Какъ юноша веселый!
 И Багговунъ, среди громовъ,
 Средь копій безмятежный;
 И Докшуровъ-гроза враговъ,
 Къ побѣдъ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
 О други, сколь смущилась
 Вся рать Славянъ, когда спрѣла
 Въ безспрашнаго вонзилась;
 Когда полмеривъ, окровавленъ,
 Съ попухшими очами,
 Онъ на щипъ былъ изнесенъ
 За ранний спрой друзьями!
 Смоприпе язвой роковой
 Къ поспелъ пригвожденный,
 Онъ спражденъ, брапскою толпой
 Увѣчныхъ окруженный!

Ему возглавѣ бранный щипъ;
 Незыблемый въ мученьѣ,
 Онъ съ яснымъ взоромъ говоришь:
 „Друзья, бѣдамъ презрѣнье!“
 И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
 Веселье пробуждаетъ,
 И оживясь до поры мечъ
 Рука ихъ обнажаетъ.
 Слышишь, о вишняхъ нашъ! воспрянь!
 Ужь Ангель испребленья
 Горь подъялъ ужасну длань,
 И близокъ часъ опмщенья!

Хвала, Щербашовъ, вождь молодой!

Среди грозы военной,

Друзья, онъ сыплетъ душой

О прагъ незабвенной!

О выпязь, ободрись! . . . она

Твой спутникъ невидимый,

И ею свыше знамена

Дружинъ твоихъ хранимы.

Любви и скорби оживишь

Твои для мщенья силы:

Рази дерзнувшихъ возмущишь

Покой ея могилы!

Хвала, нашъ Палень, чеспи сынъ!

Какъ бурею носимый,

Вездѣ впереди своихъ дружинъ

Разишь, неопразимый!

Нашъ смѣлый Спирогановъ, хвала!

Онъ жаждетъ чистой славы!

Она изъ мира увлекла

Его на путь кровавый! . . .

О храбрыхъ сонмъ, хвала и чеспъ!

Свершайте истребленье!

Опчизна къ вамъ взываетъ: меспъ!

Вселенная: спасенье!

Хвала безпрепешныхъ вождямъ!
 На коняхъ окриленныхъ
 По доламъ скачуть, по горамъ
 Во слѣдъ враговъ смященныхъ!
 Днемъ мчались спрой на спрой; въ ночи
 Спрашанъ, какъ привидѣнья;
 Блиспають смертью ихъ мечи;
 Опъ спрѣль ихъ нытъ спасенья;
 По всѣмъ разсыпаны пунямъ;
 Невидимы и зримы;
 Сломали здѣсь; сражають тамъ;
 И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ спарцемъ въ спанъ враговъ
 Идетъ во мракъ ночи!
 Какъ пѣнь прокрался вкругъ шапировъ,
 Все зрѣли быспры очи
 И спанъ еще въ глубокомъ снѣ,
 День свѣплый не проглянулъ —
 А онъ ужъ вишязъ на конѣ,
 Уже съ дружиной грянулъ.
 Сеславинъ — гдѣ ни пролепннъ
 Съ крылатыми полками:
 Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ и шипъ,
 И усшланъ пунъ врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ!
 Онъ вихремъ въ бой кровавый;
 Онъ въ миръ счастливый пѣвецъ
 Вина, любви и славы!
 Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
 И лепомъ на спремнину;
 Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
 На мечъ и громъ дружину;
 Орловъ опважноспью орель!
 И мчишь грозу ударовъ,
 Сквозь дымъ и огонь, по грудамъ пѣлъ,
 Въ среду враговъ Кайсаровъ.

В о и н ы.

Вожди Славянъ, хвала и честь!
 Свершайте испребленье;
 Опчизна къ вамъ взываетъ: мещь!
 Вселенная: спасенье!

П ѣ в е ц ь.

Друзья, кипящій кубокъ сей
 Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
 Уже не придуть въ сонмъ друзей;
 Не спануть въ ранномъ спроѣ;

Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
 Не будетъ вѣспникъ мщенья;
 И не помчитъ ихъ мощный кликъ
 Дружину въ пыль сраженья;
 Ихъ празденъ мечъ; безмолвенъ щипъ;
 Ихъ рапники унылы;
 И сирь могущихъ конь споймъ
 Близъ пихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
 Свирѣпый пламень брани?
 Онъ палъ — главу на щипъ склонилъ,
 И списнулъ мечъ во длани!
 Гдѣ жизнь судьба ему дала,
 Тамъ брань его сразила;
 Гдѣ колыбель его была,
 Тамъ днесъ его могила.
 И пихъ его послѣдній часъ:
 Съ молишвою священной
 О милой мапери угасъ
 Герой нашъ незабвенной.

А пы, Купайсовъ, вождь молодой!...
 Гдѣ прелеспи? гдѣ младоспи?

Увы! онъ видомъ и душой
 Прекрасенъ былъ, какъ радость!
 Въ бронѣ ли грозный выступалъ —
 Бросали смерть перуны;
 Во струны арфы ударялъ —
 Одушевлялись струны....
 О горе! вѣрный конь бѣжитъ,
 Окровавленъ изъ боя;
 На немъ его разбишый щипъ....
 И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же пивой, о выпязь, прахъ?
 Какою взявъ могилой?....
 Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
 Искать, гдѣ пепель милой....
 Тамъ чище ранняя роса,
 Тамъ зелень ароматнѣй,
 И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
 И свѣтлый день пріятнѣй;
 И тихій духъ пивой прилепится
 Изъ таинственной сѣни;
 И прелесть сердца возвѣститъ
 Ей близость дружной пѣни.

И ны и ны, Баграціонъ! . . .
 Воище друзей моливвы!
 Воище ихъ плачь! . . . во гробъ онъ,
 Добыча люпой бишвы! . . .
 Еще дружинъ надежда въ нѣмъ;
 Все мнишь: съ одра возспанешъ!
 И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
 „Увы, намъ! скоро грянешъ!“
 А онъ? . . . на вѣки взоръ смѣжилъ
 Рѣшишель бранныхъ споровъ!
 Онъ въ обласъ храбрыхъ воспарилъ,
 Къ тебѣ, опецъ - Суворовъ!

И чешъ вамъ, падшіе друзья!
 Ликуйше въ горней сѣни!
 Тамъ ваша вѣрная семья —
 Вождей минувшихъ пѣни.
 Хвала вамъ будетъ оживляшь
 И позднихъ дѣлъ бесѣды.
 „Опъ нихъ учишесь умирашь!“
 Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
 При вашемъ имени вскишашъ
 Въ вождѣ рѣшивомъ пламя;
 Онъ на швердыню съ нимъ взлешашъ
 И водрузишь шамъ знамя.

В о и н ы.

При вашемъ имени вскипѣвъ
 Въ вождѣ репивомъ пламя;
 Онъ на пшвердыню съ нимъ взлѣпѣвъ,
 И водрузивъ шамъ знамя.

П ѣ в е ц ъ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ спрой!
 И къ небу грозны длани!
 Сразивъ иль пасивъ! нашъ роковой
 Обывъ предъ Богомъ брани.
 Вопще, о врагъ, изъ шьмы племень
 Ты зиждень ополченья:
 Онъ бѣгунъ швоихъ знамень,
 И жаждунъ низложенья!
 Сокровищъ нѣвъ у насъ въ домахъ!
 Тамъ спрѣлы и кольчуги!
 Мы села въ пепель! грады въ прахъ!
 Въ мечи — серпы и плуги!

Злодѣй! онъ лесною приманилъ
 Къ Москвѣ свои дружины;
 Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
 Съ Кремлевскія вершины.

„Пойду по спогнамъ съ поржеспвомъ!

Пойду и все восплещепъ!

И въ прахъ падушъ съ своимъ Царёмъ!“ . . .

Припекъ и самъ препенщепъ;

Подвигло мщеніе Москву:

Вспылала предъ врагами,

И грянулася на ихъ главу

Губящими спънами!

Ведижъ своихъ царей-рабовъ

Съ ихъ спаетъ въ обласпъ хлада;

Пробей пропу среди снѣговъ

Во срѣшеніе глада

Зима, союзникъ нашъ, гряди!

Имъ заперитъ пупъ возвращенный;

Пуспыни въ пепелъ позади;

Предъ ними сонмы рапны.

Опвѣдай, хищникъ, что сильный:

Духъ алчности иль мщенье?

Пришлецъ! . . . мы въ родинѣ своей;

За правыхъ Провидѣнье!

В о и н ы.

Опвѣдай, хищникъ, что сильный:

Духъ алчности иль мщенье?

Пришлецъ! мы въ роднѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

П ѣ в е ц ъ.

Святому брагспиву сей фіаль
Опъ вѣрныхъ брагій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни друга!
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье!
О! будь же, други, свягоспъ узъ
Законъ нашъ подъ шапрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ;
И живъ и паспъ друзьями!

В о и н ы.

О! будь же, други, свягоспъ узъ
Законъ нашъ подъ шапрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ;
И живъ и паспъ друзьями!

П ъ в е ц ъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
 Среди борьбы кровавой,
 Друзья! святой пипайпе жаръ:
 Любовь одно со славой!
 Кому здѣсь жребій удѣлень
 Знанъ тайну спраспи милой,
 Кпо сердцемъ сердцу обрученъ:
 Топъ смѣло, съ бодрой силой
 На все великое лепишь;
 Ныпъ спрахъ! ныпъ преграды!
 Чего, чего не совершишь
 Для сладоспной награды?

Ахъ! мысль о поѣ, кпо *все* для насъ,
 Намъ спунникъ неизмѣнный!
 Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
 Зримъ образъ незабвенный;
 Она на бранныхъ знаменахъ,
 Она въ пылу сраженья,
 И въ шумѣ спана, и въ мечпахъ
 Веселыхъ сновидѣнья.
 Ошвѣдай, врагъ, испоргнуъ щипъ,
 Рукою данный милой!

Святой обьшь на немъ торшъ:

Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!

Тамъ, тамъ за синей далью

Твой Ангель, два красоны

Одна съ своей печалью;

Грушшъ; о другъ слезы льшъ;

Душа ея въ мошшъ;

Бошшя въшш, въшш ждешъ:

„Увы! не палъ ли въ бшшъ?“

И мыслшъ: „скороль, дружнй гласъ,

Твои мнъ слышашъ звуки?“

Лешш, лешш, свиданья часъ,

Смъншъ шоску разлуки!“

Друзья! блаженнйшая часъ

Любезныхъ бшш спасеньемъ!

Когдажъ предъль нашъ въ бшшъ пасъ, —

Погибнемъ съ наслажденьемъ!

Святое имя призовемъ

Въ минушъ смершной муки;

Къмъ мы дышали въ мръ семъ,

Съ шой ншъ и шамъ разлуки;

Туда душа перенесетъ
 Любовь и образъ милой!
 О други, смертъ не все возметъ!
 Естъ жизнь и за могилой!

В о и н ы.

Въ погнѣ мѣръ душа перенесетъ
 Любовь и образъ милой!
 О други, смертъ не все возметъ!
 Естъ жизнь и за могилой!

П ѣ в ц ь.

Сей кубокъ чистымъ Музамъ въ даръ!
 Друзья, онѣ въ героя
 Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
 И мечь, и жажду боя.
 Гремятъ ихъ лиры — спарь и младъ
 Одѣлись въ бранны лапы:
 Ничто имъ спрѣль свиспавшихъ градъ,
 Ничто пвердынь раскаты.
 Пѣвцы сопрудники вождямъ;
 Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
 И внуки, внемля ихъ струнамъ,
 Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О радость древнихъ льпъ-Боянъ!
 Ты, арфой ополченный,
 Лепалъ предъ спроями Славянъ
 И гимнъ гремѣль священный.
 Петру возникъ среди снѣговъ
 Пѣвецъ подапель славы;
 Чеснъ Задунайскому Пепровъ.
 О Камскія дубравы,
 Гордишесь! вашъ Державинъ сынъ!
 Гошовъ свои перуны,
 Суворовъ, чудо - исполинъ —
 Державинъ грянетъ въ спруны.

О спарець! да услышимъ пѣвой
 Днесъ голосъ лебединый:
 Не щепной славы предъ побой
 Но мщенія дружины;
 Просперли не къ добычамъ длань,
 Бѣгушь не за вѣнками —
 Ихъ подвигъ святъ: по правыхъ брань
 Съ злодѣйскими ордами.
 Пришло разрушнъ ихъ мечамъ
 Племень порабощенъ;
 Самимъ губишеля рабамъ
 Побѣды ихъ спасенье!

Такъ, брашья, чадамъ Музъ хвала! . . .

Но я, пѣвецъ вашъ юный

Увы! почто судьба дала

Незвучныя мнѣ спруны?

Доселѣ шихимъ лишь полямъ

Моя играла лира

Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!

Просни и сладость мира,

И опчій край, и кругъ друзей,

И шрудъ уединенный,

И все . . . я памъ, гдѣ спукъ мечей,

Гдѣ ужасы военны!

Но будуль ваши пыть дѣла,

И хищныхъ испребленье?

Бышь можеть, ждеть меня спрѣла,

И мнѣ удѣль паденье!

Но чшожь? на вѣкиль смерпный часъ

Мой слѣдъ изгладишь въ мѣрь?

Оспанешся привычный гласъ

Въ осиропѣвшей лирѣ!

Пускай губишеля во прахъ

Низринеть месъ кровава:

Родился жизнь въ ея спрунахъ,

И звучно грянушь: слава!

В о и н ы.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!

Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;

И внуки, внемля ихъ спрунамъ

Въ слезахъ дивяпся дѣдамъ!

П ѣ в е ц ь.

Подыместъ чашу! . . . Богу силъ!

О брашья, на колѣна!

Онъ искони благословилъ

Славянскія знамена!

Безсильнымъ щипъ Его законъ,

И гибнущимъ спасишель;

Всегда союзникъ правыхъ Онъ

И гордыхъ испребишель!

О брашья! взоры къ небесамъ!

Тамъ жизни сей награда!

Опшоль Опець незримый намъ

Гласишь: мужайнесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣшлый брегъ!

Нашъ путь — къ нему спремленье!

Покойся, кпо свой кончилъ бѣгъ!

Вы, спранники, перпѣнье!

Блаженъ, кого поспигнуль бой!
 Пуспъ долго, съ жизнью хилой,
 Спарикъ препенущей ногой
 Влачипся надъ могилой;
 Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
 Съ могучихъ плечъ свергаепъ,
 И бодръ на молнійныхъ крылахъ
 Въ мѣръ лучшій улешаепъ.

А мы? ... довѣренноспъ къ Творцу!
 Чшобъ ни было — Незримой
 Ведепъ насъ къ лучшему концу
 Спезей непоспижимой.
 Ему, друзья, опважно въ слѣдъ!
 Прочъ низкое! прочъ злоба!
 Духъ. бодрый на дорогъ бѣдъ
 До самой двери гроба;
 Въ высокой долъ — проспоша;
 Нежадноспъ — въ наслажденьѣ;
 Въ союзъ съ ровнымъ — правоша;
 Въ могущеспвѣ — смиренъе!

Обыпамъ — вѣчноспъ; чеспи — чеспъ;
 Покорноспъ — правой власпи;

Для дружбы — все, что въ міръ естъ;
 Любви — весь пламень спрасни;
 Упѣха — скорби; прозьбѣ — дань;
 Погибели — спасенье;
 Могущему пороку — брань,
 Безсильному — презрѣнье;
 Неправдѣ — грозный правды гласъ;
 Заслугѣ — воздаянье;
 Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
 При гробѣ — упованье!

О! будь же, Руской Богъ, намъ щитъ!
 Проспрешь Твою десницу —
 И мспишешь-громъ Твой раздробишь
 Коня и колесницу!
 Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
 Распаешь врагъ предъ нами!...
 О спрахъ карающаго дня:
 Бродя окрестъ очами,
 Речешь пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ!
 И мнилъ — земли имъ мало!
 И взоръ ихъ гибелью горѣлъ!
 Прошекъ — враговъ не спало!“

В о и н ы.

Речень пришлоць: враговъ я зрьль!

И мнилъ — земли имъ мало!

И взоръ ихъ гибелью горьль!

Пропекъ — враговъ не спало!“

П ѣ в е ц ъ.

Но свѣпльхъ облаковъ гряда

Ужь упрѣ возвыщаетъ;

Уже воспочная звѣзда

Надъ холмами играетъ;

Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь шумань

Проглянули равнины,

И дальній лѣсъ, и пихій спань,

И спящія дружины.

О други! скоро!.... день грядетъ....

Недвижны рапи бурны....

Но..... Рокъ ужъ жребіи беретъ

Изъ таинственной урны!

О новый день! когда пивой свѣпъ

Исчезнетъ за холмами,

Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
 Межъ нашими рядами!
 И се блеснулъ! . . . Чу! . . . вѣсповой
 Перунъ по холмамъ грянулъ;
 Внимайше: въ полъ шумъ глухой!
 Смотрише: спанъ воспрянулъ!
 И кони ржунъ, грызя бразды;
 И спрой сомкнулся съ спроемъ;
 И вождь лепитъ передъ ряды;
 И пышетъ ратникъ боемъ!

Друзья! прощанью кубокъ сей!
 И смѣло въ бой кровавой
 Подъ вихоръ спрѣль, на рядъ мечей,
 За смерпью иль за славой!
 О вы! копорыхъ и вдали
 Богопворимъ сердцами!
 Вамъ! вамъ всѣ блага на земли!
 Шипъ Промысла надъ вами! . . .
 Всевышній Царь, благослови!
 А вы, друзья, лобзанье
 Въ завѣсть: здѣсь вѣрныя любви!
 Тамъ сладкаго свиданья!

В о и н ы.

Всевышній Царь, благослови!

А вы, друзья, лобзанье

Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви;

Тамъ сладкаго свиданья!

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ

П О С Л А Н І Я.

П О С Л А Н И Е

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ

К. ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Въ свѣтъ славы и славы, въ Тебѣ вселенъ Божество
Чинъ славы и славы, въ Тебѣ вселенъ Божество
Державы, въ Тебѣ вселенъ Божество
Въ Тебѣ вселенъ Божество, въ Тебѣ вселенъ Божество
Въ Тебѣ вселенъ Божество, въ Тебѣ вселенъ Божество
Въ Тебѣ вселенъ Божество, въ Тебѣ вселенъ Божество
Въ Тебѣ вселенъ Божество, въ Тебѣ вселенъ Божество
Въ Тебѣ вселенъ Божество, въ Тебѣ вселенъ Божество

Въ Тебѣ вселенъ Божество, въ Тебѣ вселенъ Божество
Въ Тебѣ вселенъ Божество, въ Тебѣ вселенъ Божество

Въ Тебѣ вселенъ Божество

IMPERATOR ALEXANDER

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда лепящіе опвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ Тебѣ зовутъ: Великій!
Что скажешь лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнешь ли свой лиспокъ онъ въ попь вилесши
вѣнецъ,
Копорый для Тебя вселенная сплепаешъ?
О Рускій Царь, просни! невольно увлекаешъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ попь храмъ,
Гдѣ благодарносью возженный оиміамъ
Спеклися въ даръ принесшъ Тебѣ народы міра —
И радосши полна, сама играешъ лира!

Что славныхъ дѣлъ Твоихъ поспигнешъ красому?
Съ благоговѣніемъ смопрю на высопу,

Часть I.

До коей Ты достигъ по пернамъ испыпанья! . . .
 Когда, исполнены любви и упованья,
 Мы шумною толпой поютъ окружали храмъ,
 Гдѣ, вѣрнымъ бысть Царемъ клянясь Творцу и намъ,
 Ты клалъ на спращный крестъ державную десницу,
 И юны рамена склонялъ подъ багряницу —
 Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль Твоя была?
 Скажи, когда вѣнецъ рука Твоя брала,
 Чпо мыслилъ Ты, вблизи послышавъ клики славы,
 А въ опдаленіи внимая, какъ державы
 Низпровергала, врагъ земныхъ народовъ, Брань,
 Какъ проны падали подъ хищникову длань?
 Ужель при слухѣ семь душой не возмутился?
 Нынь! выше бурь земныхъ Ты ею возносился,
 Очами нвердыми сей ужасъ проницалъ,
 И въ сердцѣ Промысла судьбу Свою чипалъ!
 Смиренно прислушивъ къ сосуду примиренья,
 Въ Себѣ весь Свой народъ Ты въ руку Провидѣнья,
 Съ спокойной на Него надеждой, положилъ —
 И Соприсущивенный Тебя благословилъ!
 Когдажъ священный храмъ при громахъ распворился —
 О сколь плѣнишеленъ Ты намъ тогда явился,
 Съ младымъ, всѣхъ благоспѣй исполненнымъ лицомъ,
 Подъ Прародишельскимъ сіяющій вѣнцемъ,
 Намъ обреченный вождь ко счасію и славъ!
 Казалось, къ пламенной въ рукѣ Твоей державѣ

Тогда весь Твой народ сердцаши полешель;
 Казалось, въ ней обьшь души Твоей горьль,
 Съ копорымъ Ты за насъ передъ олшарь явился—
 О Царь! благодаримъ! обьшь сей совершился!...

И Призванный Тобой Тебѣ не измѣнилъ!
 Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
 Онъ свѣтлозарную печать благошворенья!
 Ниспосылаемый Имъ Ангель разрушенья
 Взрываетъ, какъ броды, земныя племена,
 Въ нихъ жизни свѣжія бросаешь сѣмена —
 И, обновленные, пышнѣе разцвѣтають!
 Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ!
 Давноль одряхлѣвшій мѣръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
 Тамъ, въ прорицающей паденье пышнѣ,
 Спояли царствія, какъ зданья обвѣщивалы;
 Къ дремотѣ преклоня главы свои уснаны,
 Цари сей грозный сонъ считали за покой;
 И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
 Въ любви къ опечеснву, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
 Лишь къ наслажденіямъ одной минушны жадны,
 Подъ наклонившихся пресполовъ Царскихъ пѣнь,
 Какъ въ неприспущную для бурь и бѣдствій сѣнь,
 Народы ликовашъ спекались полнами!...
 И первый Лицѣй пронъ у Галловъ надъ главами

Вспылалъ, разверзнувшись какъ тибельный волканъ!
 Съ его дымящихся развалинь, великанъ,
 Пишомецъ ужасовъ, безвласнїя и брани,
 Воздвигся, положилъ на скицепрь пѣжки длаши,
 И взорами на мїръ ужасно засверкалъ —
 И предъ спрашилищемъ весь мїръ запрепепалъ!
 Сказавъ: нѣтъ Промысла! тиганпскою спопою
 Шатнулъ съ преспола онъ, и слѣдомъ за звѣздою
 Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ!
 И Промысль, упаясь, послалъ къ нему Свой Спрахъ!
 Онъ пѣбною грозною вездѣ лептѣлъ съ нимъ рядомъ!
 И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
 Огромною рукой шу бездну покрывалъ,
 Къ копорой гордаго пушемъ успѣха мчалъ!
 Непобѣдимосни мечпою ослѣпленный,
 Онъ мыслилъ: „мой пресполъ пресполомъ будъ вселенны!
 Порфиры всѣхъ Царей земныхъ я раздеру!
 И всѣ ихъ скицепры въ одной рукѣ сберу!
 Народовъ бѣдспвія спупени мнѣ ко счаспью!
 Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ власпью,
 И буду царспвованъ, и мнѣ соцарспвуй спрахъ!
 Исчезни все опянь, когда я буду прахъ,
 Чпо изъ развалинь бранъ и власпъ соорудила —
 Безсмерпною моя оспаненся могила!“
 И къ человѣчеспву презрѣньемъ ополченъ,
 На первый свой народъ онъ двинулъ рабспва плѣнь,

Чѣмбы смѣльѣй сковать чужимъ народамъ длани —
 И спала Галлія сокровищницей брани!
 Тамъ все, и самъ Хриспъ ошаръ, взывало: брань!
 Все, рабѣмъ спивуя мечпамъ пирана, дань
 Къ его ужасному пресполю приносило!
 Орашай, на броды склоняя взоръ унылой,
 Грабишелямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
 Убогій рубище имъ въ жернову раздиралъ;
 И мздой свою поснелъ Спирданье выкупало!
 И безпощадною косою подсѣкало
 Самовласпншельство прекрасный цвѣтъ людей;
 Чудовище, склонясь на колыбель дѣшей,
 Считало годы ихъ кровавыми перспами;
 Сыны въ дому ошцовъ минушними госпями
 Являлись, чѣмбы тамъ оставишь скорби слѣдъ —
 И юношъ ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!
 Все поколѣніе, для жапвы бранной зрѣя,
 И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
 Невольно подвиговъ плѣнилось мечпой,
 И бросилось на брань съ опважною слѣпопной! . . .
 И въ слѣдъ ему всякъ часъ за рапью рапъ летѣла!
 Спенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
 И хипроспью подрывъ, измѣной поспрясѣнъ,
 Добишній громами, за прономъ падалъ пропъ.
 По нимъ свободы врагъ опважною сппопюю
 За всемогущеспвомъ шагаль опъ боя къ бою.

Опъ Рейнскихъ пвердынъ до Немана валовъ,
 Опъ Сциллы древнія до Бельпа береговъ
 Одна ужасная просперлася могила!
 Все смолкло — мрачная, съ кровавымъ взоромъ, Сила
 На грудъ падшихъ царствъ возсѣла, спражь Царей!
 Предъ симъ спрашилнцемъ и доблеснъ прежнихъ дней,
 И къ просвѣщенью жаръ, и помысленья славы,
 И непорочныя семей смиренныхъ нравы,
 Погибло все — окреснъ одинъ лишь спукъ оковъ
 Смуцалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
 Да рапней изрѣдка шумѣли переходы,
 Спѣвающихъ испребишъ еще пріюпъ свободы!
 Унылоснъ на сердца народовъ налегла —
 Лишь Вѣра въ пицинь звѣзды своей ждала,
 Съ святымъ пергвнѣемъ тяжелый креснъ лобзала,
 И взоры на воспокъ съ надеждой обрацала! . . .
 И грозно возблиспалъ спасенья спрашный годъ!
 За сей могилою народовъ, цвѣль народъ —
 О Царь нашъ! Твой народъ! — могущій и смиренный,
 Не крѣпоснью пвердынъ громовыхъ огражденный,
 По вѣрноснью къ Царю и въ славъ пищиной!
 Какъ юноша-аплениъ, всегда готовый въ бой,
 Смотриль на брани онъ съ безпечносною силы
 Такъ, юныя поджавъ, но опышныя крилы,
 На поднебесную глядншъ съ гнѣзда орель
 И злобой на него губищель закищлъ!

Въ несмыслну рапъ сполия рабовъ ожесточенныхъ,
 И на поляхъ, споной врага неоскверненныхъ,
 Ужь въ мысляхъ взгромоздивъ пресполь всемірный свой,
 Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной! . . .
 О Провидѣніе! Твоя Россія вспала,
 Твой Ангель полепѣль, и брань Твоя вспылала!
 Кпо, кпо изобразитъ безсмертный онъй часъ,
 Когда, въ молчаніи народномъ, Царскій гласъ
 Послышался, какъ въспъ надежды и спасенья?
 О гласъ Царя! о чеспъ народа! пламень мщенья
 Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!
 Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ мечамъ!
 И грозно въ бой пошла съ насиліемъ свобода!
 Тогда явилось все величіе народа,
 Спасающаго пронъ и свяпоспъ олпарей,
 И пихій гробъ опцовъ, и колыбель дѣпей,
 И спарцевъ сѣдины, и младоспъ дѣвъ цвѣтущихъ,
 И славу прежнихъ лѣпъ, и славу лѣпъ грядущихъ!
 Все въ пепель передъ нимъ! разлей пожары, Меспъ!
 Спѣною рапъ! чпо шагъ, по бой! чпо бой, по чеспъ!
 Предъ нимъ развалины и пепельны пуспыни;
 Кругомъ пуспынь полки, и грозныя пвердыни,
 Вездѣ ревущія погибельной грозой —
 И Спарецъ-вождь средъ нихъ съ невидимой Судьбой! . . .
 Холмы Бородина, дымшесъ жерпвой славы! . . .
 Уже расперзанный, едва спошы кровавы

Таща по гибельнымъ опмспипелей слѣдамъ,
 Грядешь, грядешь слѣпецъ, Москва, къ своимъ спѣнамъ!
 О радость! — онъ вспунилъ! зажгись, косперъ свободы!
 Пылаешь! . . . цѣпи въ прахъ! воскресни, народы!
 Вашъ спыдъ и плѣнь Москва, обрушась, погребла,
 И въ пещь мщенія свобода ожила!
 И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
 Съ развалинь вспавшая, призракъ ужасный, Кара
 Пошла по шренешнымъ губишеля полкамъ,
 И ужась пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
 Надъ ними жалобно завыва: горе! горе!
 И Гладь, при кликѣ семь, съ опчаяньемъ во взоръ,
 Свирѣтый, бросился на раннихъ и вождей.
 Тогда помчались вснянь — и трудами коспей,
 И брошенными въ прахъ попухшими громами
 Означили свой слѣдъ предъ Рускими полками,
 И Нѣманъ льдисный моспъ для бѣгспва ихъ сковать! . . .
 Сколь намъ величеспивень Ты, Царь, тогда предспалъ,
 Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
 И спарца на Свою ведущій колесницу,
 Чпобъ вкупъ съ нимъ лепѣнь съ опмщенъемъ въ
 слѣдъ врагамъ.
 О незабвенный часъ! за Нѣманъ знаменамъ
 Ужь опверзаешь пушь власпипцельной рукою!
 Когда же двинулись дружины предъ Тобою,
 Когда раздался спукъ помчавшихся громадъ

И грозно брегъ покрылъ коней и рапныхъ рядъ,
 Пріосѣняемыхъ парящими орлами
 Сіе величіе окинувши очами,
 Чшо ощутилъ, нашъ Царь, шогда въ душѣ Своей?
 Передъ Тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
 Лежалъ, расперзанный, еще взыванъ не смѣя;
 И человѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
 Къ Тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
 И судія Царей, Попомство впереди
 Вышало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
 „Дерзай! и нареку Тебя: Благословенный!“
 И въ грозный между шѣмъ полки сѣянны спрой,
 На все гошове, съ покорной пишиной,
 На Твой смопрѣли взоръ и ждали мановенья!
 А Ты? . . . Ты опъ Небесъ молилъ благословенья! . . .
 И Ангель ихъ, гремя, на шипъ Твой низлепѣлъ,
 И гибелью врагамъ Твой шипъ зашламентѣлъ,
 И руку Ты просперъ и двинулися рапи! —
 Какъ къ Возвѣспишело небесной благодати,
 Во срѣшнѣе Тебѣ народы пошекли,
 И вайями Твой пунъ смиренный облекли.
 Привѣспивенной шолной подвиглись-веси, грады;
 Къ Тебѣ желанія, къ Тебѣ сердца и взгляды!
 Тебѣ несепъ дары опъ нивы селянинъ;
 Зря бодрато Тебя впреди Твоихъ дружинъ,
 Къ мечу опъ коспыла безногій воинъ рвепся;

Младая спарилу во грудь надежда льепся:
 „Свободень, мнишь, сойду въ свободный гробъ опцовъ!“
 И смолпшишь, не спрашась, на зрющихъ сыновъ.
 И Ты средъ плесковъ сихъ — не гордый побдишель,
 Но води Промысла смиренный совершитель —
 Шель пихій, благоспью великоспъ украшалъ,
 Блескъ утѣшительный окрестъ Тебя сіялъ,
 И ликъ Твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды!
 И вождь нашъ, смернью опягощенны вѣжды
 Подъялъ съ усилениемъ, чпобы на славный пунъ,
 Въ копорый Ты вступалъ, уже не съ нимъ, взглянушь,
 И угасая дашь Царю благословенье!
 Сколь сладоспно его съ землею разлученье!
 Когда, въ послѣдній часъ, онъ рапъ Тебѣ вручалъ,
 И ослабѣвшею рукою прижималъ
 Къ нѣмвующей груди Царя и друга руку —
 О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерни муку!
 Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго опкрытъ;
 Онъ весело приникъ сѣдинами на щипъ,
 И смернь его крыломъ надежды осѣнила.
 И чуждый вождь — увы! судьба его щадила,
 Чпобъ первой жертвой онъ на бипвъ правды палъ! —
 Нашъ Царь, узнавъ Тебя, на смернь онъ не рошпалъ;
 Ты руку падшему, какъ бранъ, просперъ средъ боя,
 И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя —
 Смягчившаго слезой его съ концемъ борьбу —

Онъ смѣло завѣщаль опечеснѣва судьбу! . . .
 И лишь горѣ взлѣпѣль орель нашъ двоеглавѣй,
 Лишь крикнуль голосомъ давно молчавшей славы —
 Какъ всколебалися Тевноновъ племена!
 Къ нимъ Германъ съ Норда несъ свободы знамена —
 И все помчалось въ спрой подѣ знамена свободы.
 Въ одну слѣялись грудь воскресшіе народы,
 И всѣхъ Царей рука, нашъ Царь, въ рукѣ Твоей
 На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней!
 О славный Кульмскій бой! о доблесть Славянина!
 Воище на нихъ рвалися всѣ рапи исполина,
 Воище за громомъ громъ на спрой ихъ налетѣлъ; —
 Все опрокинуто! — и Руской улетѣлъ! . . .
 И спроемъ роковымъ опмспшедей дружины
 Ужъ приближающа къ свѣпилицу Судбины;
 Ужъ видѣтъ попу рубежъ, шу цѣль, къ копорой вѣль
 Ихъ Неиспытанный по темной безднѣ золь,
 Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
 И пляжкой опыта ихъ бремена рукою.
 Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явишь;
 Се по судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшишь:
 Не бышь, иль бышь Царямъ; возстань иль пасѣ
 вселенной . . .
 И все въ собраніи! . . . О часъ, вѣкамъ священной! . . .
 Народы всѣхъ племень, и всѣхъ племень Цари,
 Подѣ сѣнію знамѣнь святыя олпари,

Несмыслный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
 И громы впереди съ подъятыми крилами;
 И на холмъ, въ бронь, на грозный щипъ склонёнъ,
 Союза мспипелей младый Агамемнонъ,
 И шъни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
 Надъ свѣпозарною вождя Царей главою
 И въ ожиданіи священномъ все молчипъ! . . .
 И шихо мгла еще на небъ шомъ лежипъ,
 Ошкоть съ грядущимъ днемъ изыдепъ Вседержипель! . . .
 И загорѣлся день! . . . Богъ грянулъ! . . . палъ губипель!
 Бѣгупъ — во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечъ, и щипъ!
 Впереди, въ пылу, съ боковъ и рядомъ Спрахъ бѣжипъ,
 И жадною рукой Погибель ихъ хвапаетъ!
 И небо шихое шоржеспвенно сіаетъ
 Надъ преклоненною ошмспипелей главою!
 Побѣдная хвала лепипъ изъ спроя въ спрой,
 И Реипъ восплескалъ, послышавъ ликованья.
 О спарецъ водъ! о шы, съ минушы мірозданья
 Незрѣвшій на берегу еще лица Славянъ —
 Ликуй! и опражай въ волнахъ Славянскій спанъ!
 И погрузился креспъ при громахъ въ древни воды!
 И Реипъ, обновленъ, пошекъ въ брегахъ свободы,
 И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ.
 И быспро ворвались полки въ шопъ спрашпый логъ,
 Гдѣ, кроясь, хищникъ царспвъ коваль имъ цѣпи плѣна!
 Вопще, вопще воздвигъ онъ черныя знамена —

Лишь гибели молву онъ съ ними водрузилъ!
 Громъ Рускій берега Секваны огласилъ —
 И надъ Парижемъ спалъ орелъ Москвы и мщенья!...
 Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
 Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ.
 О Руская земля! спаси племъ грядущъ
 Твой Царь къ низринувшимъ Царей пившихъ сполну!
 Онъ распросперъ на нихъ пощады багряницу;
 И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
 По спогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
 Идущъ — и пишина во слѣдъ имъ прилепаетъ!
 Хвала! хвала, нашъ Царь! спыдливо опклоняетъ
 Рука Твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!
 Ты предспоишь благій семьи враговъ опецъ,
 И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиришь.
 О незабвенный день! споприше — побѣдишь,
 Съ обезоруженнымъ опъ ужаса челомъ,
 Колѣнопреклоненъ, на спрашномъ мѣстѣ помъ,
 Гдѣ Царскій мученикъ подъ оспріемъ съкиры,
 Въ виду разорванной опцевъ своихъ порфиры,
 Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ;
 Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафонъ
 Злодѣйство блѣдную Свободу возводило,
 И Бога поразишь своей хулою мнило. —
 На спрашномъ мѣстѣ помъ смиренный вождь Царей
 Предъ миропворною свѣтъней олпарей

Велишь своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
 И жертву небесамъ приносишь очищенья.
 Просперлись всѣ во прахъ; всѣ вкутъ слезы люютъ;
 И се! ... подъемлется спасенія сосудъ!
 И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
 И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
 Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даѣтъ!...
 Свершилось!.... освященъ испытанный народъ,
 И гордо по зыбямъ попекъ опъ Альбіона
 Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона.
 Помощь бѣдствія на тронъ опцевъ грядетъ,
 И спарцу брагскую десницу подаетъ
 Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,
 И Людовикова наброшена порфира
 На пресупленія минувшихъ спрашныхъ дѣтъ!...
 Свершилось!... Рускій Царь! опечесво и свѣтъ
 Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
 И дали свой отвѣтъ пошомки современнымъ!...
 Богатый чувствомъ благу, содѣянныхъ Тобой,
 И съ неприспущною для почестей душой,
 Сіянiе сокрывъ, Ты въ пучъ лепишь желанной —
 Опчизна сына ждетъ! объ ней средъ бури бранной,
 Объ ней среди торжесвъ и плесковъ Ты скорбѣшь —
 И Ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
 Гдѣ во спасеніе Твое промчались громы.
 Ужь всюду запѣвать свободы гласъ знакомый:

На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
 На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
 На градскихъ шоржищахъ, кипящихъ опъ народа,
 На самомъ прахъ сель вездъ, вездъ свобода,
 Вездъ обиліе, надежда и покой! . . .
 И все сіе, нашъ Царь! дано земль Тобой!
 Но чпожь Ты ощутилъ, когда Твой взоръ веселый
 Завидьль въ далекъ опечески предълы,
 И въперъ, въющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
 Ко слуху Твоему гласъ родины принесъ?
 Чпо ощутилъ, когда свѣпаго Цепрограда
 Вдали передъ Тобой возникнула громада;
 Когда предъ Манерью колъно преклонилъ;
 Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
 Гдъ освященный мечъ пріаль на совершенье,
 Гдъ испребишеля начавшій испребленье,
 Предпеча въ славъ Твой, герой спасенья спишь? . . .
 Россія! Онъ грядеть! уже олшаръ горитъ!
 Уже Его принятъ опверзлись двери храма!
 Ужь благодарное куренье оиміама
 Съ сердцами за Него взлетъло къ небесамъ!
 И се! . . . Приникнувшій къ пресполо спупенямъ
 Во прахъ предъ Божеспвомъ свою бросаешь славу! . . .
 О Вѣчный! осьни смиренного державу!
 Его душа чисна: въ ней благоспъ лишь одна,
 Лишь пламенемъ къ добру она воспалена! . . .

Опважною вступиши дерзаю, Царь, мечною
 Въ черпогъ священный Твой, гдѣ Ты одинъ съ Собою,
 Одинъ, въ погъ мирный часъ, когда лежишь покой
 Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главою,
 Когда лишь бодрствуютъ Цари и Провидѣнье.
 О Царь! въ сей важный часъ — когда Нева въ печень
 Объемлетъ предъ Тобой погъ усиленный храмъ,
 Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
 Твой Праотецъ, нашъ Петръ, Царей земныхъ учишель —
 Я зрю Тебя, племя несмысленныхъ Повелитель,
 Сей окруженнаго всемірной тишиной,
 Надъ полвселенною парящаго душой,
 Гдѣ все Твое, гдѣ Ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
 Гдѣ Ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
 Уполномоченный опъ неба судія —
 О сколь божественна въ сей часъ душа Твоя!
 Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной —
 За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной!
 За насъ Ты предпослалъ, какъ жертва, передъ Нимъ!
 Опечесиво, внимай: „Творецъ! всѣ блага имъ!
 Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный —
 За власъ благошворишь, удѣль Царей прекрасный,
 Склоняю, Царь земли, колѣна предъ Тобой,
 Беспрашный подъ Твоей незримою рукой
 Твоихъ намѣреній надъ ними совершилъ! . . .
 Покойся, мой народъ! не дремлетъ швой хранишель.

Такъ, мой народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей!
 На удивленіе народовъ и Царей,
 Его могущесивомъ и счастьемъ прославлю,
 И пронъ свой ошпаремъ любви ему пославлю!
 Какъ небо, надъ моей просперное главой,
 Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый спрой,
 Такъ спройно будь мое владычесиво земное!
 Правленье Божесива зеркало мнѣ святое.
 Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага шамъ!
 А Ты, дарующій и пронъ и власпъ Царямъ,
 Ты, на совѣтъ ихъ сѣдящій благодапью,
 Ознаменуй Твоей дѣла мои печашью:
 Да имя чисное въ наслѣдіе вѣкамъ,
 Съ примѣромъ благоспи и славы передамъ,
 Опецъ моей семьи и другъ Твоей вселенны!“...

Воимижъ и Ты Своей семьѣ, Благословенный!
 Оспавъ на время Твой великолѣпный пронъ —
 Хвалой невѣрною пронъ Царскій окружонъ —
 Сокрой Свой Царскій блескъ, вѣсьнисъ безъ украшенья,
 Одинъ, въ толпу, и шамъ внимай благословенья!
 Въ черпогъ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ.
 На праздникахъ семей, украшенный Твой ликъ —
 Ликующихъ родныхъ родный благошворишель —
 Спошпъ на ширпескомъ сподѣ веселья зришель,

И чаша первая, и первый гимнъ Тебѣ!
 Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
 Чпо въ Твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни
 приступаетъ,
 И славой для него грядущее пылаетъ.
 Спарикъ свой взоръ на гробъ боинся устремилъ,
 И смерть посѣщную онъ молитъ погодинъ,
 Чпобъ жизни лучшей цвѣтъ разцвѣлъ передъ могиллой!
 И воинъ, въ шипинѣ, своею гордой силой,
 Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой шипъ,
 Другамъ о битвахъ пѣхъ съ весельемъ говоритъ,
 Въ копорыхъ зрѣлъ Тебя, всегда въ кипящей свѣчѣ,
 Всегда подъ свисномъ спрѣлъ, вездѣ побѣдъ предпечей.
 На лиру съ гордостью подьмелъ взоръ пѣвецъ....
 О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ Царя — не льщенъ!
 Когда хвала — воспортъ; гласъ лиры — гласъ народа;
 Когда все сладкое для сердца: честъ, свобода,
 Великостъ, слава, миръ, опечеснво, олшаръ,
 Все, все слилось въ одно святое слово: Царь!
 И кпо не закишилъ воспортомъ пѣснонѣнъ,
 Когда и нищета подъ кровлею забвенъ
 Послѣдній бѣдный лепитъ за ликъ Твой опдаетъ!
 И онъ, какъ друга шѣнъ, оправднѣй свѣтъ лѣнетъ
 Нѣмымъ присунспвѣемъ въ обипели спраданъ!...
 Пуснъ облечетъ во власъ святой обрядъ вѣнчанъ;
 Пуснъ вѣрности обѣтъ, опечеснво и честъ

Велятъ намъ за Царя на жертву жизнь принести —
 Опъ подданныхъ Царю коленнопреклоненье!
 Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
 Не власши, не вѣнцу, но челоуѣку дань!
 О Царь, не скипетромъ блистающая длань,
 Не прахомъ праощевъ дарованная сила
 Тебѣ любовь Твоихъ народовъ покорила,
 Но прона красота — великая душа!
 Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
 Воззри на Твой народъ, протерпѣый предъ Тобою!
 Благослови его державною рукою!
 Тобою предводимъ, со славой перешедъ
 Указанный Творцемъ путь опыта и бѣдъ,
 Преобразованный, исполненъ жизни новой,
 По манію Царя, на все, на все готовой —
 Довѣренность, любовь и благодарность онъ
 Съ надеждой передъ Твоей приноситъ Царскій прокъ.
 Предстатель за Царей народъ у Провидѣнья.
 О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья!
 Повѣрь народу, Царь, имъ будешь счастливъ Ты!
 Поспавившій Тебя въ семь блескъ красоты
 Передъ ужасною гибели пучиной,
 Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
 Ужель на крапкій мигъ Онъ намъ Тебя явилъ?
 О, нѣтъ! Онъ нашихъ золь печалью утвердилъ
 Завѣтъ: хранишь въ Тебѣ всѣ блага, намъ священи —

И не обманетъ насъ опъ вѣка Неизмѣнный!
 Примѣжь, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
 За благоспѣ Царскую, краснѣйшую побѣду,
 За по величіе, въ какомъ явилъ Ты міру
 Споль древле славную опщевъ Твоихъ порфиру,
 За вѣру въ спрашанный часъ къ народу Твоему,
 За имя, данное на всѣ вѣка ему —
 Здѣсь, окружая Твой пресполь, Благословенной!
 Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ Твоей священной!
 Какъ предъ ужасною святыней олпня,
 Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жерпву за Царя!

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЪ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦЬ

МАРИИ ФЕОДОРОВНЬ.

Мой слабый дарь Царяца ободряетъ!
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ опъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣснаго пѣвца!
Могуль желашъ славнѣйшія награды?...
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель несъ —
И Рускіе воспламенялись грады:
Я съ шепетомъ зрѣлъ Ангела небесъ,
Въ сей спрашной мглѣ опкрывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину;
Я спарца зрѣлъ, избраннаго Царемъ;
Я зрѣлъ Славянъ, лепящихъ за вождемъ
На огонь и мечъ, и въ каждомъ взорѣ мщеніе —
И гениемъ мнѣ было восхищеніе,

И я предрекъ губишело паденье,
 И все сбылось — губишель гордый палъ! . . .
 Но ахъ! почпо мнѣ жребій ниспослалъ
 Споль бѣдный даръ? . . . Внимаемый Царицей,
 Опважнобъ я на лиръ возгремѣлъ,
 Какъ меснь и громъ несущій нашъ орель
 Ударилъ въ слѣдъ за робкою спаницей
 Поспигнурыхъ смяпеніемъ враговъ,
 Какъ подъ его обширными крилами
 Спасенные народы опъ оковъ
 Съ возникшими изъ низоспн Царями
 Воздвигнули свободы знамена!
 Или, забывъ побѣдные перуны,
 Твоей хвалою воспламенилъ бы спруны!
 Ахъ! сей хвалою душа моя полна!
 И гдѣ предметъ славнѣе для Поэта?
 Царица, Мать, Супруга, дочь Царей —
 Краса Царицъ, веселіе полсвѣта! . . .
 О! кто найдетъ языкъ, приличный Ей?
 Почпо лишенъ я силы вдохновенья?
 Тогдабъ дерзнулъ я лирою моею
 Тебя воспѣть въ красѣ благошворенья
 Съдящую безъ Царскаго вѣнца
 Въ кругу сихъ дѣвъ, шипомицъ Провидѣнья!
 Прелесный видъ! ихъ чистыя сердца
 Безъ робоспи опкрыты предъ Тобою;

Тебя хопяпъ младенческой игрою
 И рѣзвостью невинной утѣшапъ;
 Царицы нѣпъ — онѣ ласкаюпъ мапъ!
 Объ Ней ихъ мысль, объ Ней ихъ разговоры,
 Объ Ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ,
 Одну Ее съ небеснымъ Божеспвомъ
 При олпарѣ поюпъ ихъ сладки хоры!
 Или, въ мечпахъ спремясь Тебѣ во слѣдъ,
 Дерзнулъ бы я вспушпъ въ сей домъ спасенья,
 Туда, гдѣ Ты, какъ Ангелъ утѣшенья,
 Льешь сладкую опраду въ чашу бѣдъ.
 О! кто въ сей храмъ войдетъ безъ умиленья!
 Какъ Божеспво невидимое, Ты
 Тамъ колыбель забвенной сироты
 Спасительной рукою оградила;
 Въ часъ бышя опверзлась имъ могила —
 Ты приговоръ судьбы перервала,
 И въ образъ небесныя Надежды
 Другую жизнь опверженнымъ дала!
 Едва на мѣръ опкрыли слабы вѣжды,
 Ужъ съ Творческимъ слѣанный образъ Твой
 Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
 Безъ пренеша опъ пихой колыбели
 Они идупъ въ пупъ жизни за Тобой.
 И въ бурю бѣдъ Ты мощный имъ хранипель!
 Вопще окрестъ ихъ сѣни брань кипитъ —

На ихъ главы Ты Свой просперла щипъ,
 И задрожалъ свирѣный испребипель
 Предъ мирною невинностью дѣшей;
 И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
 Въ священную сиропъ Твоихъ обипель!
 И днесъ — когда опвсюду славы громъ,
 Когда, сраженъ полуночнымъ орломъ,
 Бѣжипъ въ спыдѣ народовъ припѣснипель —
 О сколь предметъ высокій для пѣвца!
 Владыки Мипъ въ величеспѣ Царицы
 И съ Ней народъ, молящѣ Творца:
 Да подъ щипомъ всесильныя десницы
 Даспъ миръ землѣ полсвѣна власпелинъ!
 Такъ! къ небесамъ дойдупъ Твои молипы!
 Придепъ, придепъ, свершивъ за правду бипы,
 Защиппникъ царспѣ, любовь Царей, Твой Сынъ,
 Съ вѣнчанными побѣдою полками!
 О славный день! о радоспный возврапъ!
 Уже я зрю священный Пепроградъ,
 Вспрѣчающій Спасипеля громами!
 Грядешъ! грядешъ, предшеспвуемъ орлами,
 Пльняющій величеспвомъ, красой!
 И близъ Него нашъ спарецъ, вождь судьбины,
 И имъ во слѣдъ вожей блестящій спрой,
 И грозныя Славянскія дружины!
 И Ты спѣиши съ Супругою младою,

Въ кругу Дѣшей, во срыпенъе желанныхъ
Блаженный часъ! въ виду героевъ бранныхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-Сынъ предъ Матерью-Царицей,
Да славу ихъ любовь благословишь —
И вкупѣ съ Нимъ спасенный міръ лежишь
Передъ Твоей священной десницей!

In every family, so different as the
 members are, in age, sex, and
 disposition, or in other respects,
 the same rules must be observed.
 In every age, sex, and disposition,
 the same rules must be observed.
 In every age, sex, and disposition,
 the same rules must be observed.
 In every age, sex, and disposition,
 the same rules must be observed.

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Писано послѣ сраженія подъ Краснымъ.

ПОЖЕ ПОДПИСАЕИ

Именно после сличения подлинных

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Писано послѣ сраженія подъ Краснымъ.

О вождь Славянъ, дерзнуть ли робки спруны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцають?
Вездѣ гремятъ опмищенія перуны,
И мчится врагъ, спыдомъ покрытый, вспявъ,
И съ Россомъ мѣрь тебѣ рукоплескаетъ!...
Кто пѣною спрунь средь плесковъ сихъ внимаешь?
Но какъ молчаешь? я въ сердцѣ Славянинъ!
Я зрѣлъ, какъ ты, среди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопунксвуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шель грозно за врагами!
Со всѣхъ споронъ дымились небеса;
Окреснь земля опъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя погда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!

Часть I.

О спарець-вождь! я мнилъ, что надъ побоею
Тогда самъ Рокъ невидимый лепель;
Что былъ сокрытъ вселенныя предель
Въ швоей главѣ, вѣнчанной съдиною!

Законъ Судьбы для насъ неизъяснимъ!
Надменный сей не еюль былъ хранимъ?
Воппце пески Ливійскіе пылали —
Онъ пупъ опкрылъ среди песчаныхъ волнъ;
Воппце враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій чолнъ!
Спустилъ на брегъ — въ рукъ его корона!
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго прона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужъ онъ Царей-рабовъ своихъ созвалъ!...
И возспаюшъ могущіе Тевпоны,
Доспойные Арминія сыны,
Неаполь, Римъ собираюшъ легіоны;
Богемець, Венгръ, Саксонъ ополчены;
И спали въ спрой измѣнники Сармапы!
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крилапы;
И нордъ и югъ поппокъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идушъ, лепяшъ — ужъ все подъ ихъ снопкою;
Ужъ Россъ главу подъ низкій миръ склонилъ!...

О замыслы! о неба судъ ужасной!
 О хищный врагъ! . . . и трудъ поликихъ лѣтъ,
 И прупами успланнѣй пупъ побѣдъ,
 И мощь, и злоспъ, и козни — все напрасно!
 Здѣсь грозная Судьба его ждала!
 Она успѣхъ на шо ему дала,
 Чшобъ спарецъ нашъ славнѣй его низринуть!
 Хвала, нашъ вождь! едва дружины двинулъ —
 Ужъ хищныхъ рапъ спремглавъ бѣжишь назадъ!
 Ихъ гонишь спрахъ; за ними мчишься гладъ;
 И щипъ и мечъ бросають съ знаменами;
 Вездѣ пупи покрыпы ихъ коспиями;
 Ихъ волны жрупъ; ихъ губишь огнь и хладъ;
 Воище свой взоръ подъемлютъ ко спасенью!
 Не узрятъ ихъ опечески поля!
 Обречены въ добычу испребленью!
 И будепъ гробъ имъ Руская земля!
 И скрылася, нашъ спарецъ, предъ побою
 Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
 Посоль Судьбы, явился ты полкамъ —
 И предъ швоей священной сѣдиною
 Безумная гордыня пала въ прахъ!
 Лепи, неси за ними смерть и спрахъ!
 Еще ударъ — и всей землѣ свобода!
 И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!

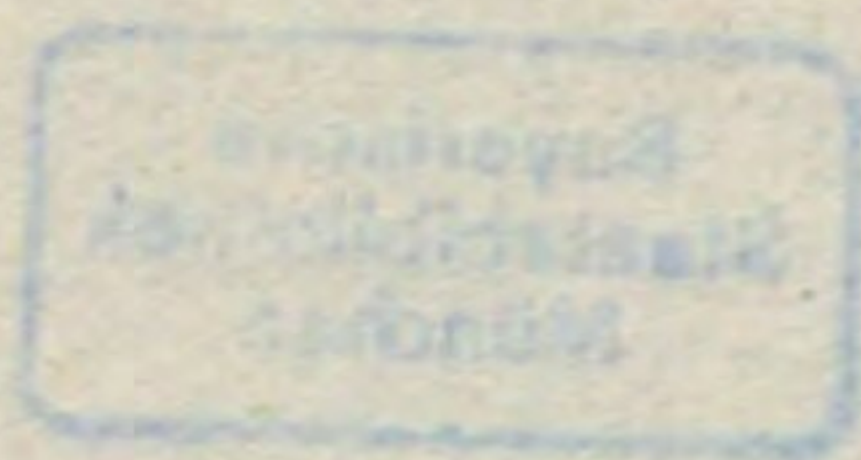
О сколь тебѣ завидный жребій дань!
 Еще вдали пренецень Опшоманъ —
 А ты ужь здѣсь! ужь родины спасишель!
 Уже погналь, какъ геній-испрещель,
 Кичливыя разбойниковъ орды,
 И рядъ побѣдъ — полковъ твоихъ слѣды;
 И самый врагъ, неволею гнепомъ,
 Твоихъ орловъ благословляеть громы:
 Ты жизнь ему побѣдами дарилъ!...
 Когдажъ, свершивъ погибельное мщенье,
 Свои полки опчизнѣ возвращишь,
 Сколь славное тебѣ успокоенье!...
 Уже въ мечпахъ я вижу твой возвратъ:
 Передъ побой вѣнцы, профей брани!
 Во сръшенъе шекунъ и сшаръ и младъ;
 Къ тебѣ ихъ взоръ! къ тебѣ подъемлютъ длани!
 „Се онъ! се онъ! сей грозный вождь, нашъ щипъ!
 Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
 Усѣйпе пущь спасишеля цвѣтами!
 Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
 Да слышишь онъ вездѣ благословенье!“
 Когдажъ, сложивъ съ главы своей шеломя,
 И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
 Да вкусишь тамъ покоя наслажденъе
 Предъ славными профеями побѣдъ —
 Сколь будетъ шокъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ

Въ сей пишинѣ величественъ и ясенъ!
 О! дней благихъ закапъ всегда прекрасенъ!
 Съ веселіемъ вода окрестъ свой взоръ,
 Ты будешь зрѣшь ликующія нивы,
 И скачущи спада по скапамъ горъ,
 И хижины орапая счастливы,
 И скажешь: мной дана имъ пишина!
 И спарецъ, въ гробъ спувившій ужъ ногою,
 Тебя въ семьѣ вспомянувъ съ мольбою,
 Речетъ сынамъ: мнѣ имъ сбережена
 Въ спранѣ опцевъ спокойная могила!
 И скажешь мапъ, любуясь на дѣшей:
 Его рука мнѣ милыхъ сохранила!
 На пиршеспвахъ, въ спокойспвіи семей,
 Предъ олпаремъ, въ обипели Царей,
 Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье!
 Тебя предаспъ попомспву пѣснопѣнье!

Въ сѣхъ мѣстахъ воздвигнувшись и небу
О, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
О, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
Ты гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
Тѣхъ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
Рече же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
Въ сѣхъ мѣстахъ воздвигнувшись и небу
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
Его гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же
И гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же, гдѣ же

К Ѣ В О Е Й К О В У.

К. П. РОДНИКОВ

КЪ ВОЕЙКОВУ.

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ-другъ, хопя и льспець,
Въ смиренную обипель браша!
Поспавъ въ мой уголь посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почпи домашняго Пенаша!
Садись — вопъ кубокъ! — въ чеспъ друзьямъ,
И сладкому воспоминанью,
И благопшворному свиданью,
И насъ хранившимъ Небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы;
Ты видѣль, другъ, слѣды кровавы

На Русь нахлынувшихъ враговъ,
 Ихъ казнь, и ужась ихъ побѣга;
 Ты, спроя свой бивакъ изъ снѣга,
 Себя смиренью научалъ,
 И, хлѣбъ водою запивая,
 „Хвала, умѣренность злапая!“
 Съ пѣвцомъ Тибурскимъ восклицалъ.
 Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
 Ты зрѣлъ Ордынцовъ лютыхъ край,
 И лишь обломки обгорѣлы
 Тамъ, гдѣ споялъ Шери-Сарай,
 Бапья древняя обипель;
 Задумчивый развалинь зрипель,
 Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
 Ты наспоющаго карпину,
 И въ нихъ ужасную судьбину
 Бапья новыхъ дней чипалъ.
 Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
 Тамъ брапспво Хриспіанъ проспое
 Безспраспиемъ ограждено
 Опъ вредныхъ сердцу заблужденій,
 Опъ милыхъ сердцу наслажденій.
 Тамъ вѣчно по же и одно;
 Всему свой часъ: пруду, бездѣлю!
 И легкокрылому веселью
 Порядокъ крылья шамъ сковалъ.

Тамъ, видя счастье въ покой,
 Ты всѣхъ воспорги опдавалъ
 За неспраданіе святое;
 Ты зрѣлъ, какъ въ пишии семей,
 Хранимы сердцемъ маперей,
 Тамъ дѣвы проспоной счастливы,
 А юноши прудолюбивы
 Опъ бурныхъ спасены спраспей
 Рукой заняпія цѣлебной;
 Ты зрѣлъ, какъ, вшедши въ Божій храмъ,
 Они смиренно къ небесамъ
 Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
 И служатъ сердцемъ Божеснву,
 Опринувъ мракъ предразсужденья....
 Что уподобимъ шоржеснву,
 Кошорымъ чудо Искупленья
 Они въ воспоргъ вѣры чпунъ?
 Все шихо.... полночь... нѣтъ движенья!...
 И въ препенъ благоговѣнья
 Всѣ брашья шой минушы ждушъ,
 Когда имъ звонъ-благовѣспишель
 Провозгласишь: воскресъ Спасишель!...
 И вдругъ... во мгль... средъ пишины,
 Какъ будпо съ горней вышины
 Съ шрубою Ангель-пробудишель,
 Низходишь гласъ!... ошпаръ горшъ!

И братья пали на колѣни!
 И гимнъ торжественный гремитъ!
 И се!... идущъ въ усопшихъ сѣни!
 О сердце прогающій видъ!
 Въ пѣни пополей, лишь выпвиспыхъ,
 Гуспыхъ березъ и шелковицъ,
 Между шюльпановъ, розъ душиспыхъ,
 Ряды являюща гробницъ:
 Здѣсь спарцевъ, шамъ дѣшей могила,
 Тамъ юношей, шамъ дѣвъ молодыхъ —
 И Вѣра подлѣ пепла ихъ
 Надежды факель воспалила....
 Идущъ къ возлюбленныхъ гробамъ
 Съ опрадной вѣспью воскресенья;
 И все — опверспый свѣплый храмъ,
 Гдѣ, мнипся, шайна Искупленья
 Свершаепся въ сей самый часъ,
 Торжественный поющихъ гласъ,
 И брапій на гробахъ лобзанье,
 (Принесшихъ имъ воспоминанье
 И жерпву умиленныхъ слезъ),
 И ппхое гробовъ молчанье,
 И соприсупспвенныхъ небесъ
 Незримое съ землей сліянье —
 Все живо, полно Божеспва....
 И вѣрныхъ брапій торжеспва

Свидѣтели, изъ тайной сѣни
 Исходящъ дружескія пѣни,
 И ихъ преображенный видъ
 На сладку пѣснь: *Воскресъ Спаситель!*
 Сердцамъ: *воистинну!* гласишь,
 И самый гробъ ихъ говоритъ:
 Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель! — —
 И сей оставивши предѣль,
 Ты зрѣль, какъ Терекъ въ быспромъ бѣгъ
 Межъ виноградниковъ шумѣль,
 Гдѣ часно, припаясь на брегъ,
 Чеченецъ иль Черкесь сидѣль,
 Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
 И въ далекъ передъ побой,
 Одѣны голубымъ шуманомъ,
 Гора вздымалась надъ горой,
 И въ сонмъ ихъ гигантъ съдой,
 Какъ пуча, Эльборусъ двуглавой.
 Ужасною и величавой
 Тамъ все блискаетъ красою:
 Упесовъ мшистыя громады,
 Бѣгущи съ ревомъ водопады
 Во мракъ пучинъ съ граничныхъ скалъ;
 Лѣса, копорыхъ сна опъ вѣка
 Ни спукъ сѣкирь, ни человека
 Веселый гласъ не возмущалъ,

Въ кошорахъ сумрачныя сѣни
 Еще лучъ дневной не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одни елени,
 Орла слышавъ грозный крикъ,
 Тѣсняясь въ долину, шумя въ вѣтвяхъ,
 И козы легкими ногами
 Перебѣгають по скаламъ.
 Тамъ все является очамъ
 Великолѣтніе пшореня!
 Но тамъ — среди уединенія
 Долинъ, спящихъ въ горахъ —
 Гнѣздясь и Балкаръ, и Бахъ,
 и Абазехъ, и Камуцинецъ,
 И Карбулакъ, и Абазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.
 Пшцаль, кольчуга, сабля, лукъ,
 И конь - сораникъ быспроногій
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачутъ по горамъ,
 Бросають смерть изъ-за ушеса;
 Или, по пошкимъ берегамъ,
 Въ шравъ высокой, въ чащѣ лѣса
 Разсынавшись, добычи ждуть;
 Скалы свободы ихъ пріюсть.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
 На косцылахъ утрюмой лѣни:

Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣснися въ кружокъ,
 И въ брашскій съ шабакомъ горшокъ
 Вонзивши чубуки, какъ пѣни
 Въ дыму клубящемся сидятъ
 И объ убійствахъ говорятъ;
 Иль хвалятъ мѣпкія пищали,
 Изъ конхъ дѣды ихъ спрѣляли;
 Иль сабли на кремняхъ оспрягъ,
 Гоповясь на убійства новы. — —
 Ты видѣлъ Дона берега;
 Ты зрѣлъ, какъ онъ поилъ шелковы
 Необозримые луга,
 Одушевленны шабунами;
 Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
 Межъ виноградными садами
 Онъ, зеленѣя, пропекалъ,
 И ясной влагой отражалъ
 Брега, покрытые сѣнами,
 Ряды спѣснившихся спруговъ,
 И на склоненіи холмовъ
 Донскихъ богатырей спаницы;
 Ты часно слушалъ, какъ пѣвицы
 Родимый прославляютъ Донъ,
 Спокойствіе спаницъ счастливыхъ,
 Вождей и коней ихъ репивыхъ;
 Съ смиреньемъ опдалъ пы поклонъ

Жилищу Вихря-Апамапа
 И изъ завѣшнаго спакана
 Его здоровье на Цымль
 Пилъ, окруженный спариками,
 И виписи подь сѣдинами
 Соопчичамъ въ чужой землѣ
 Ура! кричали за побойю.

Теперь ты дружества рукою
 Въ обипель брапа приведенъ,
 Съ нимъ вспомнишь призраки злапые
 Невозвратимыхъ пѣхъ временъ,
 Когда мы — госпи молодые
 У милой жизни на пиру —
 Изъ полной чаши радости пили,
 И счастье наше! говорили
 Въ своемъ пророческомъ жару....
 Мой другъ, пророчество прелесно!
 Когда же сбудется оно?
 Еще вдали и неизвѣсно
 Все то, что намъ здѣсь суждено....
 А время мчится безъ возврата,
 И жизнь-измѣнница за нимъ!
 Одинъ уходимъ за другимъ!
 Другъ, отглянись! еще нѣтъ брапа!

Часъ опть часу пуспѣе свѣпть!
Пуспѣй дорога передъ нами!

Но такъ и быпть! . . . здѣсь пвой Поэпть
Съ смиренной Музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живепть
И у моря погоды ждепть.
И ты, мой другъ, чпобы мечпюю
Грядущее развеселипть,
Спышипть волшебныхъ спрунъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудипть;
И очарованный побою,
Какъ за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вопть наше солнышко-краса
Владимірь Князь съ богатырями;
Вопть Днѣпръ кипипть между скалами,
Вопть златоверхій Кіевъ градъ;
И басурмановъ пѣмъ, какъ пруті,
Вокругъ зубчатыхъ спѣнъ кипяпть;
Сверкаюпть шлемы и кольчуги;
Опть кликовъ, попоша коней,
Опть спуга палицъ, свиспа пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вопть, дивной облеченъ броней,

Добрыня — богатырь могучій
 И конь его Злапокопыть;
 Чрезъ степи и лѣса дремучи
 Не скачешъ выпязь, а лепишь,
 Гоня Зиланповъ и Полкановъ,
 И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
 И въ тайнѣ дѣвица-краса
 За дальни степи и лѣса
 Во слѣдъ ему лепишь душою;
 Склоняся на руку главою,
 На пупъ изъ перема глядишь,
 И такъ въ раздумьи говоришь:
 „О въперъ, въперъ! что ты вьешся?
 Ты не опъ милаго несешся,
 Ты не принесъ веселья мнѣ!
 Играй съ касанкой въ вышинѣ,
 По поднебесью съ облаками,
 По синю морю съ кораблями —
 Спрѣду пернапую опвѣй
 Опъ друга-радосни моей!“
 Краса-дѣвица ноешъ, плачешъ;
 А другъ по доламъ, холмамъ скачешъ,
 Лешя за придевяпъ земель!
 Ему сыра земля поспель;
 Возглавье щипъ, ночлегъ дубрава;
 Тамъ бьешся съ Бабою-ягой;

Тамъ изъ ручья съ живой водой,
 Подъ спражей змѣя шеспиглава,
 Кувшиномъ черпаетъ злымъ;
 Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
 Косматый людоедъ Дубыня;
 Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
 И вопъ внезапно занесёнъ
 Въ жилище чародѣевъ онъ:
 Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасной;
 Сіяетъ блескъ въ дали прекрасной;
 Чѣмъ ближе онъ — тѣмъ далъ свѣтъ;
 То тяжкій филина полетъ,
 То врановъ раздаются рокопъ;
 То слышится Русалки хохопъ;
 То вдругъ изъ-за сѣдаго пня
 Выходитъ Лышій козлоногій;
 И вдругъ спояетъ предъ нимъ чершогъ,
 Какъ будто слыши изъ огня —
 Дворецъ волшебный Царь-дѣвицы;
 Красою бѣлая колпица,
 Двенадцать дѣвъ къ нему идутъ,
 И пѣснь привѣспвѣя поютъ;
 И онъ Но что? куда мечтами
 Я залетѣлъ тебѣ во слѣдъ?
 Ты чародѣй, а не Поэтъ!
 Ты всемогущими спрунами

Мой падшій геній оживилъ! . . .
 И кпо, скажи мнѣ, научилъ
 Тебя предречь осмыю сшихами
 Въ сей книгѣ съ бѣлыми лиспами
 Весь сокровенный жребій мой?
 Признапсьяль, другъ? . . . Смопрю съ шоской,
 Съ волненіемъ непобѣдимымъ
 На бѣлые сіи лиспы,
 И мнипся, перспомъ невидимымъ
 Свои невидимы черпы
 На нихъ Судьба ужъ написала!
 Чпобъ ни было сей даръ тебѣ
 Опнынѣ дружба завѣщала!
 Она пвоя! . . . молисъ Судьбѣ,
 Чпобъ въ ней наполнилисъ спраницы!
 Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
 Ее въ веселый часъ подамъ —
 И ты прочпешъ въ ней небылицы,
 За бѣль рассказанныя мной:
 То знай, чпо счастливѣ жребій мой,
 Чпо подъ надзоромъ Провидѣнья,
 Пипаясь жизнью въ пишинѣ,
 Вблизи всего, чпо мило мнѣ,
 Я на крилахъ воображенья,
 Веселый здѣсь, въ тотъ міръ лепалъ,
 И чпо меня не покидалъ

Мой вѣрный ангель вдохновенья! ...
Но, другъ! быль можетъ.... какъ узнать? ...
Она оспанелся пуслая,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее опдашь
Въ свяпой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершились желанья!
Прими ее.... и пожалѣй!

Мой алтарь, алтарь твой...
Мо, алтарь, алтарь твой...
Она, алтарь, алтарь твой...
И, алтарь, алтарь твой...
Тот, алтарь, алтарь твой...
В, алтарь, алтарь твой...
Ты, и, алтарь, алтарь твой...
Моя, алтарь, алтарь твой...
Не, алтарь, алтарь твой...
И, алтарь, алтарь твой...

К Ъ Б Л У Д О В У .

П р и о т ѣ з д ѣ е г о в ѣ Т у р е ц к у ю а р м і ю .

КЪ БЛУДОВУ.

Веселаго пущи
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю;
Опринь покой, лепи
За Рускими орлами;
Но въ полѣ, подь шапрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждешь тебя, уныла,
Твой другъ, швоя Людмила,
Хранипель-ангель швой!...
Съ крылапою мечпой
Проникни сокровенно
Въ черногъ уединенной,

Гдѣ, съ вѣрною поскою,
 Съ пылающей душой,
 Она одна, вздыхаетъ,
 И Промыслъ умоляетъ:
 Да будешь пвой покровъ
 Въ обипели враговъ!
 Смопри, какъ томны очи,
 Какъ видъ ея уныль;
 Ей бѣлый свѣтъ поспыль;
 Одна, во мракъ ночи,
 Сокрылась въ перемъ свой;
 Лампаду зажигаешь,
 Письмо пвое читаешь,
 И робкою рукой
 Опивъ ко другу пишешь,
 Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
 Души ея печаль.
 Лежи въ безвѣспну даль!
 Твой геній надъ побоею!
 Среди опасна бою
 Его незримый щипъ
 Тебя пріосѣнишь —
 И мимо пролепишь
 Спрѣла ужасной Гелы.
 Ахъ! скоро ль пвой веселый
 Возвратишь утѣшишь вновь

И дружбу и любовь?...
 Для скорби упоенья,
 Подапель благъ, Зевесъ,
 Двумъ жипелямъ небесъ
 Минуты разлученья
 Повѣрилъ искони.
 „Да будутъ, рекъ, они,
 Одинъ — посоль разлуки,
 Свиданія — другой!“
 И въ часъ сердечной муки,
 Когда, рука съ рукой,
 Въ шоскъ безмолвной, други,
 Любовники, супруги,
 Съ послѣднею слезой,
 Въ послѣднемъ лобызаньѣ
 Послѣднее прощанье
 Другъ другу опдають,
 Мольбы изъ сердца лють,
 И тихими спонами,
 Съ поникшими главами,
 Въ душѣ скрывая спонь,
 Идутъ, осиротѣлы,
 Въ свой перемъ опуспѣльшій:
 Сынъ Дія Абеонъ,
 Задумчивый, безкрылой,
 Съ улыбкою унылой,

Съ опрадой скорбныхъ слезъ,
 Спускается съ небесъ,
 Ведомый Адеономъ,
 Который пихимъ звономъ
 Волшебныхъ струнь своихъ
 Льемъ въ сердце упованье
 На близкое свиданье.

Я вижу обоихъ:
 Одинъ съ своей поскою
 И пихою слезою;
 Съ надеждою другой.
 Проспи, мой другъ нелеспной!
 На долголь? Неизвѣспно!
 Но вѣрюю душой:
 (И вѣра не обманетъ)
 Желанный день наспанетъ —
 Мы свидимся съ побой!

Или . . . увы! незримо
 Грядущее для насъ! . . .
 Быть можеть — въ оный часъ,
 Когда пы, невредимо
 Свершивъ опасный пупъ,

Свободою вздохнушь
 Придешь въ спранъ родимой
 Съ Людмилою своею —
 Ты спросишь у друзей:
 „Гдѣ скрылся другъ любимой?“
 И чпожь тебѣ въ опвѣтъ?
 Его ужъ въ міръ нѣтъ!...
 Такъ! еспѣли въ цвѣтъ дѣтъ
 Меня возмешь могила,
 И учасъ присудила,
 Чпобъ первый я исчезъ
 Изъ милаго мнѣ круга:
 Друзья! безъ скорбныхъ слезъ
 На прахъ взирайте друга.
 Гдѣ свѣплою спруей
 Плескаешь въ брегъ зеленый
 Извивистый ручей,
 Гдѣ сѣнисные клены
 Слепають изъ вѣпвей
 Покровъ госпепріимный,
 Лобзаясь съ вѣперкомъ;
 Туда — лишь надъ холмомъ
 Луна сквозь облакъ дымный
 При вечеръ блеснетъ,
 И лица разольетъ
 Окресъ благоуханье —

Сберишесь, о друзья!

Въ мое воспоминанье.

Надъ вами буду я

Древесь подъ зыбкой сѣнью,

Невидимою пѣнью

Лепашь, рука съ рукой

Съ упряченнымъ Филономъ.

Тогда вамъ шихимъ звономъ

Покинутая мной

На юномъ кленѣ лира

Прищельцевъ возвѣснитъ

Изъ таинственна міра,

И шихо пролепитъ

Задумчивоспъ надъ вами;

Увидите сердцами

Въ незнаемой дали

Опечеспво желанно,

Пріюпъ обѣпованной

Для спранниковъ земли.

ВЪ КРАТКОМЪ

ИЗЪ

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ

И

ПУШКИНУ.

К. Р. В. В. З. Е. И. С. К. О. М. 2

П. Х. И. К. И. И. Х.

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ

И

ПУШКИНУ.

Друзья, попь спихопворецъ-горе,
Вь комъ безъ похваль воспорга нѣтъ!
Хошѣшь чпобъ насъ хвалилъ *весь свѣтъ*
Не по же ли, чпо вышишь море?
Презрѣнью бросимъ попь вѣнецъ,
Кошорый *всемъ* даенся свѣпомъ!
Иная слава намъ предмѣпомъ,
Иной награды ждешь пѣвецъ!
На чпо на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветаешь?
Могуль повѣришь, чпобъ спрадашь
Пѣвецъ, опъ Музы вдохновенный,
Былъ долженъ боль, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувспенный жилецъ,

Съ глухой и вялою душою,
 Чѣмъ добровольной слѣпою
 Убійшій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
 Зависникъ генія и славы?
 Нытъ! жалобы твои неправы,
 Другъ Пушкинъ! счастливъ, кто поэтъ!
 Его блаженство прямо съ неба;
 Онъ имъ не дѣлился съ толпою!
 Его суди лишь чада Феба!
 Ему ли съ пламенной душой
 Плоды святаго вдохновенья
 Къ ногамъ холодныхъ повергать,
 И на колѣнахъ ожидать
 Опъ недоспойныхъ одобренья?
 Одинъ, среди песковъ, Мемнонъ
 Сѣдя съ возвышенной главою,
 Молчитъ! — лишь гордою сполою
 Касается ко праху онъ!
 Но лишь денницы появленье
 Въ дали воспокъ воспламенитъ —
 Въ воспоргъ мраморъ пѣснь гласитъ.
 Таковъ поэтъ, друзья! Презрѣнье
 Въ пыли шаящимся душамъ!
 Ославимъ ихъ поправъ споламъ,
 А взоры устремимъ къ воспоку!
 Смотрише: неподвластный року,

И находя въ себѣ самомъ
 Покой, и честь, и наслажденья,
 Мужъ праведный прямымъ путемъ
 Идешь — и терпишь ли гоненья,
 Избавленъ ли опъ ихъ судьбой —
 Онъ сходенъ тамъ и шунъ съ собой!
 Онъ благъ безъ примѣси не просишь —
 Нытъ! въ лучший мѣръ онъ переносишь
 Надежды лучшія свои!
 Такъ и поэтъ, друзья мои!
 Поэзія есть добродѣтель!
 Нашъ геній лучший намъ свидѣтель!
 Здѣсь славы чистой не найдемъ —
 Начпожъ искапъ? перенесемъ
 Свои надежды въ мѣръ попомсва!....
 Увы! Димитрія пворецъ
 Не опличилъ проспыхъ сердець
 Опъ хипрыхъ, полныхъ вѣроломсва!
 Зачѣмъ онъ свой сплешапъ вѣнецъ
 Давалъ зависникамъ съ друзьями?
 Пуспъ Дружба нѣжными перспами
 Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила —
 Въ нихъ Зависть пернія вплела!
 И поржеспвуесть! расперзали
 Ихъ иглы славное чело —
 Просному сердцу спрашно зло:

Пѣвецъ утаснуть опть печали!
 Ахъ! еспьлибъ могъ доспигнуть гласъ
 Учаспїя и удивленья
 Къ душѣ, неснесшей оскорбленья,
 И усладишь ее на часъ!
 Чувспвишельносшь его сразила!
 Чувспвишельносшь, копорой сила
 Моины душу создала —
 Пѣвцу погибелью была....
 Попомспво грозное, опмщенья!
 А намъ, друзья, изъ опдаленья
 Разсудокъ опьшпный велишь
 Смонрѣшь на сцену, гдѣ гремишь
 Хвала — гуль шумный и невнятный!
 Подалъ опть толпы судей!
 Пока мы не смѣшались съ ней,
 Свобода другъ намъ благодапный!
 Мы независимо , въ пиши
 Уюпнаго уединенья,
 Богапы яносшью души,
 Поемъ для Музь, для наслажденья,
 Для сердца вѣрнаго друзей!
 Для насъ всѣ обольщенья славы!
 Рука зависпниковъ-судей
 Душеубійспвенной опправы
 Въ ея сосудъ не подольешъ,

И злобы крикъ къ намъ не дойдепъ!
 Спрашисъ къ той славѣ прикоснушся,
 Копорою прельщаешъ свѣпъ —
 Обвишый розами скелешъ!
 Любушся издали, поэпъ,
 Чпобы въ близи неужаснушся!
 Внимаи избраннымъ судіамъ:
 Ихъ приговоръ зеркало намъ;
 Ихъ одобренъе намъ награда;
 А порицаніе ограда
 Опъ убивающія даръ
 Надменной мысли совершенства.
 Хвала воспламеняешъ жаръ;
 Но намъ не въ ней искашъ блаженства —
 Въ шрудъ!... О благошворный шрудъ,
 Души печальныя цѣлишъ
 И счастья живошворишъ!
 Чпо предъ побой ничпожный судъ
 Толпы, въ рѣшеніяхъ приспращной,
 И въшреной, и разногласной?
 И пошъ же Карамзинъ, друзья,
 Разимый злобой, не сраженный,
 И сладкимъ лишь шрудомъ блаженный,
 Для насъ примѣръ и судія!
 Спросише: для одной ли славы
 Опъ вопрошаешъ у вѣковъ,

Какъ были, какъ прещли державы,
 И чадамъ подвиги опцовъ
 На прахъ древности являєшь?
 Нынь! онъ о славѣ забываетъ
 Въ минушу славнаго пруда!
 Онъ беззаботно ждетъ суда
 Отъ современниковъ правдивыхъ,
 Незамѣчая и лица
 Зависпниковъ несправедливыхъ!
 И имъ не разорвать вѣнца,
 Который взяло дарованье!
 Ихъ злоба — имъ однимъ спрaданье!
 Но пусть и очарують свѣтъ —
 Собою счастливыи поэтъ,
 Твори, будь пвердъ! ихъ зданья ломки!
 А за себя дадутъ опвѣтъ
 Необольспимые пошомки!

К Ѣ Ф И Л А Л Е Т У.

П о с в я щ е н о А л . И в . Т у р г е н е в у .

ИЗДАНИЕ
В. Д. Ф. И. А. Е. Т. В.

КЪ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, далекій другъ? когда прервемъ разлуку?
Когда проспрешь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ вспрышишь пшвой душѣ понятный взглядъ
И сердцемъ опвѣчаешь на дружбы гласъ священной? ...
Гдѣ вы, дни радостей? Придешь ли ты назадъ,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселіе на вѣки опцвѣло,
И счастье мое съ пропекшимъ пропекло?
Какъ часно о часахъ минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю,
Конецъ всему — души покой;
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой
Ахъ! время, Филалетъ, свершишься ожиданьямъ!

Часть I.

Не знаю.... но, мой другъ, кончины сладкій часъ
 Моей любимой мечпою спановишся;
 Унылоспъ пихая въ душѣ моей хранишся;
 Во всемъ внимаю я знакомый смерни гласъ.
 Зовешъ меня!...! зовешъ!... куда зовешъ?... не знаю!
 Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
 Я сердцемъ сопряженъ съ сей пайною спраной,
 Куда насъ всѣхъ влачипъ судьба неодолима;
 Томящейся душѣ невидимая зрима —
 Повсюду вѣспники могилы предо мной.
 Смопрю ли, какъ заря съ закапомъ угасаешъ —
 Такъ, мнишся, юноша пвѣпущій исчеаешъ;
 Внимаю ли рогамъ паспушымъ за горой,
 Иль вѣпра горнаго въ дубравѣ препенанью,
 Иль пихому ручья въ куспарникѣ журчанью,
 Смопрюль въ шуманну даль вечернею порой,
 Къ клавируль преклонясь, гармоніи внимаю —
 Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю!
 Иль предвѣщаніе въ унынїи моёмъ?
 Или судиль мнѣ рокъ въ весенни жизни годы,
 Сокрывшисъ въ мракъ гробовомъ,
 Покинушъ и поля и опческія воды,
 И мїръ, гдѣ жизнь моя безплодно разцвѣла?....
 Скажуль?... мнѣ ужасовъ могила не являешъ!
 И сердце съ гореспнымъ желаньемъ ожидаешъ,
 Чпобъ Промысла рука обратпо по взяла,

Чѣмъ я безрадостно въ семь міръ бременился,
 Ту жизнь, въ копорой я споль мало насладился,
 Копорую давно надежда не злапипъ!
 Къ младенчествуль душа прискорбная лепипъ,
 Щипаюль радости минувшаго — какъ мало!
 Ныпъ! счастье къ быпю меня не приучало;
 Мой юношескій цвѣпъ безъ запаха опцвѣль.
 Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣль —
 И что же? предо мной увядшаго могила!
 Душа, не воспылавъ, свой пламень утасила!
 Любовь — но я въ любви нашель одну мечпу,
 Безумца тяжкій сонъ, поску безъ раздѣленья,
 И невозвратное надеждъ уничтоженъе!
 Изсякшія души наполнюль пустошю?
 Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣспно?
 Грядущее для насъ пропекшимъ лишь прелеспно!

Мой другъ! о нѣжный другъ! когда намъ не дано
 Въ семь міръ жипъ для пѣхъ, къмъ жизнь для насъ
 священна,
 Къмъ добродѣпель намъ и слава драгоцѣнна,
 Почпожъ, увы! почпо судьбой запрещено
 За счастье ихъ опдапъ намъ жизнь сію безплодну?
 Почпо (дерзнуль спросипъ?) опняль у насъ Творецъ
 Имъ жертвованъ собой свободу превосходну?

Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣпилъ мой конецъ,
 Когдабъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
 Я могъ — о сладкій сонъ! — шой счастье искупить
 Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлать!....
 Когдабъ спокрапными и скорбью и мученьемъ
 За каждый мигъ ея блаженства я плашилъ:
 Тогдабъ, мой другъ, я рай въ семь мѣръ находилъ,
 И дня какъ дара ждалъ, къ спраданью пробуждаясь;
 Тогда, надеждою оправдною шпаясь,
 Чпо каждый жизни мигъ погибшій моей
 Еспъ жертва шайная для блага милыхъ дней,
 Ябъ смерти звалъ не смѣлъ, спрашился бы могилы!
 О незабвенная! другъ милый, вѣчно милый!
 Почпо, повергнувшись въ слезахъ къ швоимъ ногамъ,
 Почпо, лобзая ихъ горящими ушнами,
 Опъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
 „Все въ жертву за нее! вся жизнь моя предъ вами!“
 Почпо и небеса не могутъ внять мольбамъ?
 О безразсуднаго напрасное моленье!
 Гдѣ шопъ, кому дано святое наслаждение
 За милыхъ слезы лишь, спрадать и погибать?
 Ахъ! еспьлибъ мы могли въ сей области изгнанья
 Спошь восхищительно презрѣнну жизнь кончать —
 Кшобъ небо оскорбилъ безуміемъ рошпанья!

К Ъ Н И Н Ъ.

К Р И И И Я

К Ъ Н И Н Ъ.

О Нина! о Нина! сей пламень любви
Уже ли съ послѣднимъ дыханьемъ угаснешь?
Душа, ослепшая въ незнаемый край,
Уже ли во прахъ по чувствъ покинешь,
Кошорымъ равнялась богамъ на землѣ?
Уже ли въ минуву боренья съ кончиной —
Когда ужъ не буду горящей рукой
Въ слезахъ упоенья къ препешущей груди,
Воспорженный, руку пивую прижимаешь,
Когда прекращаясь и сердца волненье,
И пламень ланиный - примѣла любви,
И пайныя спраши во взорахъ сіянье,
И тихіе вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ спъсенье —

Уже ли, о Нина! всѣмъ чувспвамъ конецъ?
 Уже ли ни пѣни земнаго блаженспва
 Съ собою въ обипель небесъ не возьмемъ?
 Ахъ! съ чѣмъ же предспнанемъ ко прону Любви?
 И шо, чпо пипало въ насъ пламень души,
 Чпо было въ семъ мѣрѣ предчувспвіемъ неба,
 Уже ли шо бездна могилы пожрепъ?
 Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
 Когда для безсперпья упрачу любовь!
 И въ обласпи райской я буду печально
 О прежнемъ, погибшемъ блаженспвѣ мечпанъ!
 Я съ зависпью буду — какъ бѣдный зашворникъ
 Во мракъ пемницы о нѣжной семѣ,
 О прежнихъ весельяхъ родипельской сѣни,
 Прискорбный, поскуепъ, на цѣпи склонясь —
 Смопрѣпъ, унывая, на милую землю.
 Чпо въ вѣчноспи будетъ замѣной любви?
 О! первая вспрѣчи небесная сладоспъ —
 Какъ пайныя, сердца созданья, мечпы,
 Въ единый слѣявшисъ пѣнипельный образъ,
 Являюпся смупной весельемъ душъ —
 Унынїя прелеспъ, волненье надежды,
 И радоспъ и прещепъ при вспрѣчѣ очей,
 Ласкающій голосъ - души восхищенье,
 Могущеспво пихихъ, пайнспвенныхъ словъ,
 Присудспвія сладоспъ, помленье разлуки,

Ужель невозвратно васъ съ жизнью перяшь?
 Уже ли, приближась къ безмолвному гробу,
 Гдѣ хладный, на вѣки безчувственный прахъ
 Горѣвшаго прежде любовію сердца,
 Мы будемъ напрасно и скорбью очей,
 И преждѣ всесильнымъ любви призываньемъ
 Въ безчувственномъ прахѣ любовь оживляшь?
 Ужель изъ-за гроба опѣшна не будешь?
 Ужель пережившій одинъ сохранишь
 То чувство, копорымъ такъ сладко дѣлился,
 А прежній спутникъ, кѣмъ въ міръ онъ жилъ,
 Съ копорымъ сливался поскою и блаженствомъ,
 Исчезнешъ за гробомъ, какъ упренный паръ
 Съ лучемъ, олапившимъ его, исчезаетъ,
 Развѣянный легкимъ зефира крыломъ?...
 О Нина! я внемлю таинственный голосъ:
 Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви!
 Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный,
 И въ вѣчность за нею изъ міра лепишь —
 Ей спутникъ до сладкой минуы свиданья!
 О Нина! бытъ можетъ, торжественный часъ,
 Посланникъ разлуки, уже надо мною!
 Ахъ! скоро, бытъ можетъ, погаснетъ мой взоръ,
 Къ тебѣ усупремляясь съ послѣднимъ блиспаньемъ,
 Съ послѣднею ласкою упихнутъ мой гласъ,
 И сердце забудетъ свой сладосный прелепъ —

Не съспуй, и вѣрой себя улаждай,
 Чпо чувствва неплѣнны, чпо духъ мой съ побою!
 О сладость! о смертный, блаженный часъ!
 Съ побою, о Нина, пѣснѣйшимъ союзомъ
 Онъ спраспную душу мою сопряжеть!
 Спокойся, другъ милой, и въ самой разлукѣ
 Я буду хранитель невидимый пвой,
 Невидимый взору, но видимый сердцу!
 Въ часы испытанья и мрачной тоски,
 Я въ образѣ пихой, небесной Надежды
 Бесѣдуя скрыпно съ пвоею душой,
 Въ прискорбную буду вливать утѣшенье;
 Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
 Опраду въ обитель недуга и скорби,
 Я буду пвой спутникъ, я буду съ побой
 Дѣлился священнымъ добра наслажденьемъ;
 И въ пихій, священный моленія часъ,
 Когда на коленяхъ, съ блистающимъ взоромъ
 Ты будешь свой пламень къ Творцу возсылать,
 Бышь можешь, поскуя о другѣ погибшемъ,
 Я буду молитвы невинной души
 Носить въ умленье къ небесному прону.
 О другъ незабвенный! тебя окруживъ
 Невидимой пѣнью, всѣмъ тайнымъ движеньямъ
 Души пвоей буду въ весельи внимаю.
 Когда пы—плѣнившись потока журчаньемъ,

Иль блескомъ послѣднимъ угасшаго дня
 (Какъ холмы объемлеть задумчивый сумракъ,
 И съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ въ душѣ
 О радостяхъ прежнихъ мечна воскресаетъ)
 Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
 Иль вѣющимъ съ дуга душистымъ зефиромъ,
 Несущимъ свирѣли далекія звукъ,
 Иль спройнымъ бряцаньемъ полунощной арфы—
 Нѣжнѣйшую томность въ душѣ ошупишь,
 Исполнишься тихимъ, унылымъ мечпаньемъ,
 И, въ мѣръ сокровенный душею спремясь,
 Присутствіе Бога, безсмертья награду,
 И съ милымъ свиданье въ безвѣстной спирани
 Яснѣе постигнешь, съ живѣйшею вѣрой,
 Съ живѣйшей надеждой опъ сердца вздохнешь.....
 Знай, Нина! чпо друга ты голосъ внимаешь,
 Чпо онъ и въ весельѣ и въ тихой поскѣ
 Съ твоею душею сливается тайно.
 Мой другъ, не спрашися минуны конца!
 Посланникомъ мира, съ лучемъ утѣшенья
 Ко смертной поспелъ приникнувъ твоей,
 Я буду игрою небесныя арфы
 Последнюю муку твою услаждаю:
 Не вопли услышишь грозящія смерти,
 Не ужасъ могилы узришь предъ собой;
 Но гласъ восхищенный, поющій свободу,

Но свѣшлый, ведущій къ веселію пупъ,
 И прежняго друга, въ воспоргъ свиданья,
 Манящаго ясной улыбкой шебя.
 О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій!

КЪ КНЯЗЮ

ВЯЗЕМСКОМУ.

К Р К И Я Ю

В Ч А Б М С К О И Я

К Ъ К Н Я З Ю

В Я З Е М С К О М У.

Намъ славишь древность Амфіона!

Опъ спрунь его могущихъ звона

Воздвигся городъ самъ собой!

Правдоподобно, хопъ и чудно!

Чпо древнему поэпу трудно?

А нынче?... нынче вѣкъ иной!...

И въ наши бѣдспвенныя лѣпы

Не только лирами поэпы

Не спроюпъ новыхъ городовъ,

Но сами часпо безъ домовъ,

Богапымъ плапяпъ пѣснопѣнъемъ

За скудный уголь чердака,

И грѣюпся воображеньемъ

Подъ пуспаго камелька!

О Амфіонъ! благоговѣю!
 Но, признаюсь, не сожалею,
 Чѣмъ даръ твой: говоришь спѣнамъ,
 Въ наслѣдство недоспался намъ!
 Славнѣе говоришь сердцахъ,
 И пробуждаешь въ нихъ чувства пламень,
 Чѣмъ оживляешь бездушный камень,
 И зданья лирой громоздишь.

Съ побой хочу я говоришь,
 Мой другъ и братъ по Аполлону!
 Склонись къ знакомой лиры звону;
 Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
 Но мой удѣлъ на свѣтъ — струны!
 А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
 И пышные дары фортуны!
 Послушай повѣсти моей:
 (Здѣсь истинна безъ украшенья)
 Былъ пасыръ, образецъ смиренья;
 Онъ самыхъ юношескихъ дней
 Святаго алчара служилъ,
 Онъ чистой жизнью оправдалъ
 Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
 Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель;
 Прихожанъ бѣдныхъ пѣсньный міръ.

Былъ подвиговъ его свидѣтель!
 Невидимую добродѣтель
 Его лишь попь, кпо нагъ иль сирь,
 Иль обречень былъ униженю,
 Вдругъ узнавалъ по облегченю
 Тяжелыя судьбы своей!
 Ему науки были чужды —
 И нѣтъ въ излишнемъ знаньѣ нужды! —
 Онъ рѣдкую между людей
 Въ проспой душѣ носилъ науку:
 Спрадальцу гибнущему руку
 Въ благое время подавалъ.
 Не зналъ онъ гордаго искусства:
 Умы вишійствомъ поражалъ
 И приводилъ въ волненіе чувства;
 Но, другъ, спроси у сироты:
 Когда въ одеждѣ нищеты,
 Попуня взоры поропливо,
 Она спояла передъ нимъ
 Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
 Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
 Въ ней сердце къ жизни оживлять,
 И міръ, ей страшный, украшать
 Надеждою на Провидѣнье?
 Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
 Когда лишь смерти слышенъ гласъ,

Лишь смерти слышно приближенье,
 Онъ съ робкой говоритъ душой,
 И скрывъ предъ нею міръ земной,
 Являя предъ нею міръ небесной?
 Какъ часпо въ уголь неизвѣстной,
 Гдѣ нищій съ голодною семьей
 Опъ свѣта и спыда скрывался,
 Онъ неожиданный являлся
 Съ святымъ дальнемъ богачей,
 Разпроганныхъ его мольбою! . . .
 Мой милой другъ, его ужъ нѣтъ!
 Судьба незнаю рукою
 Его въ другой умчала свѣтъ,
 Недавъ свершивъ здѣсь подорогъ!
 Вдовыжъ наслѣдство: одръ убогій,
 На коемъ жизнь окончилъ онъ,
 Да пепель хижины сгорѣлой,
 Да плачь семьи осиротѣлой . . .
 Скажи, воицель ихъ жалкій спонъ?
 О нѣтъ! онъ, землю покидая,
 За чадъ своихъ не препеналъ,
 Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
 Чпо ихъ найдетъ рука святая
 Неизмѣняющаго намъ!
 Онъ добрымъ завѣщаль сердцамъ.
 Сиротъ оспавленныхъ спасенье!

Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!
Исполнимъ добраго завѣтъ,
И оправдаемъ Провидѣнье!

It is a common error to suppose that

the same thing is true of all cases

of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

is true of all cases of the same kind.

It is not true that the same thing

КЪ БАТЮШКОВУ.

R. B. T. A. J. O. H. L. O. R.

К Ъ Б А Т Ю Ш К О В У.

Сынъ пѣти и веселья,
По Музѣ мнѣ родной,
Пріятность новоселья
Лечу вкусишь съ побой;
Опдамъ поклонъ Пенапу,
А милому собрапу
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Увѣй же скромну хапу
Вѣнками изъ цвѣтовъ;
Узорнымъ покрываломъ
Свой шапкѣй споль одѣнь;
Вооружись фіаломъ;
Шампанскаго напѣнь,
И спукнемъ въ чашу чашей,

И выпьемъ все до дна:
 Будь вѣрной Музѣ нашей
 Дань перваго вина!

Вхожу въ пивую обитпелъ:
 Здѣсь весель пивъ съ собой,
 И Лѣни другъ Покой
 Дверей пивовихъ хранипелъ.
 Все ясно вкругъ меня;
 Закапъ румяный дня
 Живѣ здѣсь играепъ
 На зелени луговъ,
 И чище опражаепъ
 Здѣсь виды береговъ
 Изпочникъ пивоспруйный;
 Здѣсь кропockъ вихоръ буйный;
 Пріятный сѣнь лисповъ
 Зефиры здѣсь колышутъ,
 И слаще нѣгой дышутъ;
 Укромный домикъ пивой!
 Не злапомъ — чистопной
 И свѣплоспью пивняепъ;
 Въ окно пивое влепаепъ
 Цвѣповъ пріятный духъ;
 Терасъ; предъ нимъ дерновыи

Узорный полукругъ:

Тамъ ландыши перловы,

Тамъ розовы кусты,

Тюльпанъ, нарцисъ душистой,

И пубероза, чистой

Эмблема красоты,

Съ роскошнымъ анемономъ;

Едва примѣпнымъ склономъ

Твой сходишь садъ къ рѣкѣ;

Шумишь не вдалекѣ

Тамъ мельница смиренна:

Съ колесъ жемчужна пѣна

И брызговъ дымъ сѣдой;

Мелькаешь надъ рѣкой

Веселая купальня,

И, гость изъ края дальня,

Уютный домикъ свой

Тамъ Швабскій гусь спѣсивой

На островъ подъ ивой,

Межъ дикою крапивою

Безпечно заложилъ.

Такъ! здѣсь пріюти Поэта:

Душа моя согрѣла

Вліяньемъ горнихъ силъ,

И вся ничтожность свѣта
 Въ глазахъ моихъ, какъ сонъ —
 Незримый Аполлонъ
 Промчался надо мною!....
 Ликуй, мой другъ-Поэтъ!
 Довольнѣе судьбою
 Поэтовъ подъ луною
 И не было и нѣтъ.
 Ихъ жизнь очарованье!
 Ты помнишь ли преданье?
 Разбигъ въ удѣлы свѣтъ
 Преемникъ древній Крона
 Задумалъ искони.
 „Дѣлшесь!“ — съ горня прона
 Богъ людямъ рекъ. Они
 Взроилися, какъ пчелы,
 Шумящи по лугамъ —
 И всѣ уже удѣлы
 Земные по рукамъ.
 Смиранный Земледѣлецъ
 Взялъ прудъ и сельный плодъ;
 Могущесиво Владѣлецъ;
 Купецъ равнину водъ
 Наморщилъ подъ рулями;
 Взялъ ошкупъ Арендарь
 А Паспырь дунъ олшарь

И силу надъ умами.

„Будь каждый при своёмъ!

(Рекъ Царь земли и ада)

Вы сѣйше, добры чада!

Мнѣ жерпвуйше плодомъ!“

Но вопль . . . въ земли предѣла

Приходитъ и Поэтъ:

Увы! ему удѣла

Нигдѣ на свѣтъ нѣтъ!

Къ Зевесу онъ съ мольбою:

Опещъ и власпелинъ!

За чпо забытъ побою

Любимѣйшій пвой сынъ? —

„Не я виной забвенья!

Когда я мѣрь дѣлалъ,

Въ спрану воображенья

За чѣмъ ны уходилъ?“

— Увы! я былъ съ побою!

Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ,

Величеспвомъ, красою

Небесъ пвоихъ, опещъ,

Мои пицались взоры;

Тамъ пѣли дивны хоры;

Я сердце возносилъ

Къ дѣламъ пвоимъ чудеснымъ...

Но ахъ! плѣненъ небеснымъ,

Земное позабыль! —

„Мой сынъ, удѣлы взяпы!

Мнѣ жаль твоей упрямы!

Но рай передъ тобой!

Согласенъ ли со мной

Дѣлился небесами?

Блаженствуя съ богами,

Ты презришь міръ земной!“

Съ тѣхъ поръ — необожашель

Подсолнечныхъ суенъ —

Спаль вѣрный обипашель

Спраны духовъ Поэпъ,

Спраны неопкровенной:

Туда непосвященной

Толпѣ дороги нѣтъ;

Тамъ чудотворны боги

Веселые черпоги

Сліяли изъ лучей

Въ мерцающей долинь

Любимицъ своей

Фанпазіи-богинѣ;

Ея Природа мапъ;

Безпечно ей играпъ

Даетъ она собою;

Но, радуясь игрою,

Велипъ ее хранипъ

Тремъ чадамъ первороднымъ,
 Чшобъ прихощямъ свободнымъ
 Ее не заманишь
 Въ шуманы заблужденій:
 То съ пламенникомъ Геній,
 Наука съ свиткомъ Музъ,
 И съ легкою уздою
 Очами зоркій Вкусъ;
 Съ веселою сеспрою
 Согласные, они
 Тамъ нѣжными перспами
 Вщощъ златые дни;
 Все ихъ горитъ лучами;
 Во все духъ жизни влщщъ:
 Въ пошокъ тамъ журчитъ
 Гармонія Наяды;
 Хранимъ Сильваномъ лѣсъ;
 Грудь юныя Дріады
 Подъ коркою древесъ
 Незримая пылаетъ;
 Зефиръ спруи ласкаетъ
 И вщщся вкругъ лилей;
 Нарцисъ глядитъ въ ручей;
 Среди прозрачной пѣны
 Лепучихъ облаковъ
 Медькаетъ рогъ Селены,

И въ сумракъ лѣсовъ
 Тоскуеть Филомела.
 Храняшь сего удѣла
 Магической покой
 Невинность-гений милой
 Съ Безпечностью-сестрой,
 И ихъ улыбки силой:
 Ни Скукою унылой,
 Ни мрачной Суею,
 Ни Алчностью утрюмой,
 Ни Мески грозной думой
 Ни Зависки поскою
 Тамъ свѣтлость не мрачнѣя,
 Тамъ ясная шалѣя,
 Веселью вѣрный другъ,
 Гордынею забыта,
 Посредственность-Харица,
 И ихъ согласный кругъ
 Одушевляемъ Славой —
 Не той богиней бѣдъ,
 Которая кровавой
 Кладетъ вѣнецъ побѣдъ
 Въ дымящіяся длани
 Свирѣпостию брани —
 Но милою, живой,
 Небесною сестрой

Небесныя Надежды;
 Чужда порока, врагъ
 Безумца и невѣжды,
 Ея жилища прагъ
 Ужасенъ недоспойнымъ;
 Но шѣмъ душамъ спокойнымъ,
 Гдѣ чувствво въ проспошѣ
 Какъ тихой день сіяетъ,
 Въ могущей красотѣ
 Она себя являетъ,
 И въ нихъ воспламенивъ
 Къ великому порывъ,
 Къ прекрасному спремленье,
 Ко благу спраспный жаръ,
 Имъ оспавляетъ въ даръ:
Собою наслажденье.

Мой другъ, и ты пѣвецъ!
 И пѣвой учаспокъ лира;
 И ты въ мечпахъ жилецъ
 Незнаемаго міра....
 Въ мечпахъ? Почпожъ въ мечпахъ?
 Почпо мы не съ крилами
 И вольны лишь мечпами,
 А на яву въ цѣпяхъ?

Почто сей тяжкій прахъ
 Съ себя не можемъ сринутьъ,
 И міръ совсѣмъ покинутьъ,
 И намъ дороги нѣтъ
 Изъ мрачнаго изгнанья
 Въ страну очарованья?
 Увы! мой другъ!.... Поэтъ,
 Призраками богатый,
 Безпечностью дыша —
 Онъ могъ бы жить, шутя!
 Но горькія упрасы
 Живушь и для него.
 Хотя передъ слѣпою
 Богинею покою
 Не прапнишь своего,
 Хотя одной молвою,
 Смотри на свѣтъ шайкомъ,
 Въ своемъ углу знакомъ
 Съ безславіемъ щеславныхъ,
 Съ печалами забавныхъ
 Фигляровъ-оспряковъ,
 И съ мукою льстецовъ,
 Предъ тронами ползущихъ
 И съ бышенствомъ падающихъ
 Въ изрытый ими ровъ —
 Но тѣ живѣйши раны,

Которыя, какъ враны
 Вгрызаясь въ глубь сердець,
 Въ нихъ радость испребляють
 И жизнь ихъ пожирають —
 Ихъ знаетъ и пѣвецъ!
 Какими, другъ, мечпами
 Сбережъ души покой,
 Когда передъ глазами
 Подъ дланью роковой,
 Погибнетъ то, что мило,
 И схваченный могилой
 Исчезнетъ предъ побой
 Души своею родной;
 А ты, осиротѣлой,
 Дорогой опустѣлой
 Ко гробу осужденъ
 Одинъ, снѣдая слезы,
 Тащишь свои желѣзы?
 И много ли замѣнь
 Намъ дася Мечпа крилаша,
 Тогда, какъ безъ возврата
 Блаженство улетишь,
 Съ блаженствомъ упованье,
 И въ сердцѣ замолчишь
 Унывшее желанье;
 И ты, какъ палачемъ

Преступникъ раздробленный,
 И къ плахѣ пригвожденный,
 Въ безсиліи своемъ
 Еще бышь долженъ зрипелъ,
 Какъ жребій-испребицелъ
 Все то, чѣмъ ты дышалъ,
 Чѣмъ, сердцемъ увлеченной,
 Въ надеждѣ восхищенной,
 Своимъ ужъ называлъ,
 Другому на пожранье
 Опдаспъ въ твоихъ глазахъ,
 Тебѣжъ одно перзанье
 Надъ гробомъ милыхъ благъ?

Но полно!... Муза съ нами!
 Безсмертными богами
 Не всѣмъ, мой другъ, она
 Въ соупницы дана!
 Кто слышалъ въ часъ рожденья
 Небесной дѣвы гласъ,
 Въ комъ искра вдохновенья
 Съ огнемъ души зажглась:
 Тотъ вѣрный опъ судьбины
 Найдешь здѣсь уголокъ!
 Въ покрывы мглой пучины

Замчался мой челнокъ,
 Но свѣшипъ для унылой
 Еще души моей
 Поэзіи свѣпило!
 Хоть прелесною лучей
 Бунтующихъ зыбей
 Оно не утомило.....
 Но мгла озарена!
 Но сладоснымъ сіяньемъ,
 Какъ пайнымъ упованьемъ,
 Душа ободрена,
 И милая мелькаетъ
 Въ дали моей Мечта!...
 Пока, мой другъ, плываешь
 Добро и красота,
 Пока огнемъ священнымъ
 Душа еще полна,
 И дверь распворена
 Предъ взоромъ опкровеннымъ.
 Въ святой Природы храмъ,
 Пока Харити намъ
 Веселыя послушны:
 Допошь еще къ бѣдамъ
 Быть можемъ равнодушны!
 О добрый Геній мой,
 Последнихъ благъ спасишь,

И жребія смирипелъ!
 Да свѣпиптъ надо мной,
 Во мгль пупеводипелъ,
 Твой, Муза, милый свѣптъ!

А ты, мой другъ - Поэптъ,
 Храни пвой даръ безцѣпный!
 То Веспы огнь свящепный!
 Пока онъ не угасъ —
 Мы живы, невредимы,
 И Рокъ неумолимый
 Свой громъ неопразимый
 Бросаетъ мимо насъ!
 Но пламень сей лишь въ ясной
 Душѣ неугасимъ.
 Когда любовью спраспной
 Лишь по богопворимъ,
 Чпо благо, чпо прекрасно;
 Когда опъ нашихъ лиръ
 Люпся жизни звуки,
 Чарующія мукы,
 Сердцамъ дающи миръ;
 Когда мы пѣснопѣнемъ
 Несчастнаго дружимъ
 Съ сокрыпымъ Провидѣнемъ,

Жаръ славы пламеннымъ
 Въ душѣ, лепящей къ благу,
 Спезю къ убогихъ прагу
 Являемъ богачамъ,
 Не льстимъ земнымъ богамъ,
 И дочери спыдливой
 Заботливая мать
 Гармоніи игривой
 Сама величь внимаешь:
 Тогда и дарованье
 Во благо намъ самимъ,
 И мы не посрамимъ
 Шиповъ dospoянье!
 О другъ! служенье Музъ
 Должно быть ихъ dospoйно:
 Лишь съ добрымъ ихъ союзъ!
 Сливъ въ душѣ спокойной
 Младенца чистоту
 Съ величьемъ свободы,
 Богопвора Природы
 Проспую красоту,
 Лишь благамъ неизмѣннымъ
 Пѣвецъ - любимецъ мой,
 Приспунень будь душой!
 Когда къ дверямъ смиреннымъ
 Обищеди твоей

Придесть, съ толпою Фей
 Желаній прихотливыхъ,
 Фортуна - врагъ счастливыхъ:
 Ты двери на замокъ!
 Пускай толпа спучишся;
 Содомъ сей въ уголокъ
 Поэта не вмѣстишся,
 Не вытѣснивъ Харипъ.
 Но еспѣли залепишъ
 Веселій рой вертляный —
 Дверь наспежь, милый другъ!
 Пускай въ ихъ шумный кругъ
 Войдутъ: и Вакхъ румяный,
 Украшенный вѣнкомъ,
 Съ соспарѣвшимъ виномъ,
 Съ наслѣдственною кружкой,
 И Шупка съ погремушкой
 И Пляски шумный хоръ —
 Имъ радъ Досутъ шушливой!
 Они осклабятъ взоръ
 Работы молчаливой.
 Задумчивостьъ подь часъ
 Впускай въ пріюти укротный:
 Ея чутъ слышный гласъ
 И взоръ пріятно-томный
 Череливаютъ въ насъ

Покой и наслаждение;
 Она уединенье
 Собой живошворить;
 Она за дальни горы
 Насъ къ милому спремъ —
 И радостные взоры,
 Согласные съ душой,
 За синевой шуманной
 Вспрѣчаюся съ желанной
 Возлюбленныхъ мечтой;
 Ея волшебной силой
 Въ гармоніи унылой
 Осенняго лиспка
 И въ шихомъ въперка
 Вдоль роши пренепаньи,
 И въ легкомъ содроганьи
 Дремавшія волны,
 Какъ будто съ вышины,
 Спускается пріятной
 Минувшаго привѣтъ,
 И то, что невозвратно,
 Чего на вѣки нѣтъ,
 Опять живошворится,
 И шихо вѣютъ, мнился,
 Надъ нашею главой
 Воздушною толпой

Жилыцы духовной сѣни
 Невозвратимыхъ пѣни.
 Но, другъ мой, приготовь
 Въ обители смиренной
 Ты перемь опдѣленной:
 Имѣнь поспой безсмынной
 И Дружба и Любовь
 Привыкли у Поэта;
 Лишась блестящихъ свѣта
 Опличій и даровъ,
 Ему необходимо
 Подъ свой пуспынный кровъ
 Все то, что имъ любимо,
 Собравъ въ единый кругъ;
 Съ кѣмъ милая и другъ,
 Топъ въ уголь свой забвенный
 Обширныя вселенны
 Всю прелестъ умѣспилъ;
 Онъ міръ свой оградилъ
 Заборомъ огорода,
 И вдаль за суепою
 Не полещишь мечпою.
 Посредспвенность, свобода,
 Живошворящій шрудъ,
 Веселіе досуга
 Близъ милая и друга,

И пѣністый сосудъ
 Въ часъ вечера пріятной,
 Подъ липой ароматной
 Съ забвеніемъ суешь,
 Вотъ все.... но, другъ-Поэтъ!
 Любовь — святой хранитель
 Иль грозный испребишель
 Душевной чистоты.
 Отвергни сладострасья
 Погибельны мечты,
 И не воспорговъ — счастья
 Въ прямой ищи любви!
 Воспорговъ изспуцленье —
 Минушное забвенье;
 Опринь ихъ, разорви
 Лаисъ коварныхъ узы:
 Друзья спыдливыхъ Музы!
 Во храмъ священный ихъ
 Прелеснищъ записныхъ
 Толна войпи спрашится;.....
 И чпо, мой другъ, сравнися
 Съ невинною красой?
 При ней цвѣтемъ душой;
 Она, какъ Ангелъ милой,
 Одной явленья силой,
 Могущая собой,

Вливаетъ въ сердце радость.
 О скромныхъ взоровъ сладость!
 Движеній тишина!
 Слыдликое молчанье,
 Гдѣ вся душа слышна!
 Рѣчей очарованье!
 Безпечность простоты,
 И прелесть безъ искусства,
 Которая для чувства
 Прекраснѣй красоты!
 Ихъ непосредной властью
 Блаженнѣйшею спрасью
 Душа растворена;
 Вкушаетъ сладость рая;
 Земное отвергая,
 Небеснаго полна.

О другъ! доколь младость
 Съ мечтами не ушла,
 И жизнь не опцвѣла,
 Слѣши любви сладость.
 Невинную вкуспѣ.
 Увы! пора любить
 Умчися невозвратно!
 Тогда — всему конецъ!

Но буйноспью развращной
 Испорченныхъ сердець,
 Мой другъ, да не сквернишся
 Твой непорочный жаръ:
 Любовь естъ Неба даръ!
 Въ ней жизни цвѣтъ хранишся!
 Кто любитъ, томъ душой
 Какъ день весенній ясенъ;
 Его любви мечтой
 Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ....
 Ахъ! въ міръ семъ — она!
 Ея святымъ полна
 Присущіемъ Природа;
 Съ денницею со свода
 Небесъ она лепишъ,
 Предвѣспникъ наслажденья,
 И въ сумномъ пробужденья
 Блаженствъ говоришъ:
 Я въ міръ! я съ побою!
 Въ томъ часъ, какъ пишиною
 Земля облечена,
 Въ молчаніи вселенной
 Одна обвороженной
 Душъ она слышна;
 Къ уснамъ своимъ она
 Касается дыханьемъ;

Ты слышишь съ содроганьемъ
 Знакомый звукъ рѣчей;
 Задумчивыхъ очей
 Вспрѣчаешь взоръ пріятный,
 И запахъ ароматный
 Плѣнительныхъ кудрей
 Во грудь твою лѣпся,
 И мыслишь: Ангель вѣпся
 Незримый надъ побой.
 При ней — задумчивъ, сладкой
 Исполненный шоккой,
 Ты робокъ, лишь украдкой
 Спрямишь къ ней томный взоръ:
 Въ немъ сердце вылепаетъ!
 Несмѣль твоей разговоръ;
 Твой умъ не обрѣпаетъ
 Ни мыслей, ни рѣчей;
 Задумчивость, молчанье,
 И спрастное мечпанье —
 Языкъ души твоей;
 Забыты всѣ желанья;
 Безъ чувства, безъ вниманья
 Къ тому, что предъ побой,
 Ты одинокъ съ толпой;
 Она — въ семь словъ миломъ
 Вселенная твоя;

Съ ней розно — лишь въ уныломъ
 Мечпаньи быпія
 Ты чувство заключаешь;
 Всечасно улетаешь
 Душою къ тѣмъ краямъ,
 Гдѣ ангель пвой прелестной;
 Твое блаженство тамъ,
 За синевою небесной,
 Въ шуманной сей дали —
 Тамъ все, что на земли
 И мило и священно,
 Вся жизнь, весь жребій пвой,
 Какъ призракъ оживленной,
 Мелькаетъ предъ побой.
 Живешь воспоминаньемъ:
 Его очарованьемъ
 Преображенный свѣтъ,
 Одинъ вездѣ являетъ
 Душъ пвоей предметъ.
 Заря ли угасаетъ,
 Ленивъ ли въперокъ
 Опъ дремлющія роши,
 Или покровомъ ноши
 Одѣанный пошокъ
 Въ водахъ являетъ тѣни
 Недвижныхъ береговъ,

И тихихъ рощей сѣни
 И темный рядъ холмовъ —
 Она передъ тобою!
 Съ Природы красотою,
 Со всѣмъ въ душѣ слива
 Любимая мечта.
 Когда воспламененной
 Ты мыслию лепишь
 Къ Правдѣ всю вселенную,
 Или обить шворишь:
 Забыть спешу порока,
 При всѣхъ измѣнахъ рока
 Быть добрымъ и прямымъ,
 И слѣдовать святымъ
 Урокамъ и вѣщьямъ
 И тайнымъ утѣшеньямъ
 Лишь совѣсти одной,
 Когда, разсудка властью
 Торжествовавъ надъ спрассью,
 Ты выше спалъ душой,
 Иль спрошь, убишъ
 Справданіемъ, сокрытой
 Благошворишь рукой —
 Кто? кто тогда съ тобой?
 Кто чувствъ твоихъ свидѣтель?
 Она!... твой другъ, твой

Невинность, добродѣтель!
 Лишь счастьемъ ея
 Ты счастье измѣряешь,
 Лишь въ немъ соединяешь
 Всѣ блага бытія!
 Любовь — себя забвеніе!
 Ты молишь Провидѣнье,
 Чтوبъ никогда тоской
 Взоръ милый не зашмился,
 Чтобъ грозный лишь съ побой
 Судъ рока совершился!
 Лишь слезы, жерпвой бытъ
 За ту, къмъ сердце жило,
 Погибнувъ, жизни милой
 Спокойствіе купишь —
 Вотъ жребій драгоцѣнный!
 О другъ! тогда для насъ
 И бѣдствія священны!
 И пусть топъ лучъ угасъ,
 Копорымъ украшался
 Пушь жизни предъ побой,
 Пускай на вѣкъ съ мечпой
 Блаженства ты распался —
 Своихъ лишенный благъ,
 Ты живъ блаженствомъ милой:
 Какъ шихое свѣщло

Оно въ твоихъ глазахъ
 Межъ тучами играешь,
 И духъ не унываетъ
 При сладостныхъ лучахъ!

Проспижь, Поэтъ безцѣнной!
 Пускай живутъ съ тобой,
 Въ обители смиренной,
 Посредственности, покой,
 И Музы и Хариты
 И Лары домовиты!
 Ты къ нимъ любовь питай,
 Спой лиру для забавы,
 И мимоходомъ Славы
 Жилище посѣщай;
 И благодать святая
 Ея съ побою будь!
 Но, съ Музами играя,
 Ты друга не забудь,
 Который, опсиранившись
 Отъ всѣхъ земныхъ хлопотъ,
 И мапери заботъ,
 Фортунѣ поклонившись,
 Куда глаза глядятъ,
 Идетъ своей пропойю

Безпечно за Судьбою.
 Хомя и не богатъ
 Онъ милоспями счастья,
 Но Муза онъ ненаспья
 Дала ему пріюпъ:
 Туда не забредупъ
 Ни хипросипи разврапа,
 Ни свѣпа суепы;
 Не зная нищепы,
 Не знаепъ онъ и злапа;
 Мечпы — его народъ;
 Сбпраепъ съ нихъ доходъ
 Фанпазія крылапа.
 Чпо ждепъ его въ дали,
 О томъ онъ забываепъ:
 Давно не довѣряепъ
 Онъ счапью на земли.
 Но, другъ, кудабъ Судьбою
 Онъ ни былъ приведенъ,
 Всегда, вездѣ душою
 Онъ будепъ прилѣпенъ
 Лишь къ жизни непорочной;
 Таковъ къ друзьямъ заочно,
 Каковъ и на глазахъ —
 Для нихъ спихи кропаепъ,
 И быпъ такимъ желаепъ,

Какимъ въ своихъ спискахъ
Себя изображаетъ!

КЪ ТУРГЕНЕВУ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

(Писано въ 1813 году).

ИЗДАНИЕ

В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ

(Издано в 1812 году)

КЪ ТУРГЕНЕВУ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

Другъ, опъ чего печалень голось пвой?

Опвѣспивуй, брагъ! рѣши мое сомнѣнье!

Иль онъ пвоей судьбы изображенье?

Иль счасіе проспилось и съ побой?

Съ спѣсненіемъ письмо пвое чипаю!

Увы! на немъ уныніа печатъ.

Чего не смѣль пы ясно мнѣ сказапъ,

То все, мой другъ, я чувспвомъ понимаю!

Такъ! и на пвой доспалоса удѣль!

Разрушенъ мѣръ фанпазіи прелеспной:

Ты въ нагопѣ, другъ милой, жизнь узрѣль;

Чпо въ безднѣ сей пайлось, все извѣспно —

И для шебя ужъ здѣсь обмана нѣпъ!

И испылавъ, сколь сей измѣнчивъ свѣпъ,

Съ плѣнительнымъ проспившимся ожиданьемъ,
 На прошлы дни ты обращаешь взглядъ,
 И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О! не бываешь минувшему назадъ!
 Сколь весело промчались тѣ годы,
 Когда мы всѣ поварищи-друзья
 Дѣлили жизнь на лонѣ у Свободы!
 Безпечные, мы въ чувствѣ бытія
 Что было, есть и будетъ заключали,
 Грядущее надеждой украшали —
 И радостнымъ оно являлось намъ!
 Гдѣ время то, когда по вечерамъ
 Въ веселый кругъ насъ Музы собирали?
 Нынь и слѣдовъ! исчезло все — и садъ,
 И вѣхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
 Святой союзъ любви торжествовали,
 И звономъ чашъ шумъ выпровъ заглушали!
 Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
 Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
 Не онъ ли насъ пріятной оспроною
 И нѣжностью сердечной привлекалъ?
 Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
 Сколь былъ онъ проспѣ, нескрыпѣнъ въ разговоръ!
 Какъ для друзей всю душу обнажалъ!

Какъ взоръ его во глубь сердець вникалъ!
 Высокій духъ пылалъ въ семь быспромъ взоръ.
 Бывало онъ, съ опцемъ рука съ рукой,
 Входилъ въ нашъ кругъ и радость съ нимъ являлась;
 Спарикъ при немъ былъ юноша живой;
 Его съдинъ свобода не чуждалась
 О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ;
 Онъ опдыхалъ опъ жизни между нами,
 Опъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
 И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями! . . .
 Увы! ихъ нѣтъ! . . . мыжъ каждый по процамъ
 Незнаемымъ за счасьемъ полепѣли;
 Намъ прошепталъ какой-по голосъ: *тамъ!*
 Но чпо? и гдѣ? и кпо вожапый къ цѣли?
 Въ дали сіялъ плѣнительный призракъ,
 Насъ тайное къ нему спремленье мчало;
 Но опытъ вдругъ накинупъ покрывало
 На нашу даль — и тамъ одинъ лишь мракъ!
 И вѣрою къ грядущему убоги,
 Задумчиво глядимъ съ полудороги
 На спутниковъ, опспавшихъ назади,
 На милую фанпазію съ мечпами!
 Измѣнница! на вѣкъ проспилась съ нами,
 А все еще птвердишь свое: иди!
 Куда иппи? чпо ждепъ насъ въ опдаленьѣ?
 Чему еще на свѣшъ вѣру дапъ?

И можноль, другъ, желаніе пипалъ,
 Когда для насъ споль бѣдно исполненъе?
 Мы разными дорогами пошли!
 Но чпожъ? куда онъ насъ привели?
 Все къ одному: чпо счастье заблужденъе!
 Сравни, сравни себя съ самимъ собой!
 Гдѣ прежній ты, цвѣтуцій, жизни полный?
 Бывало все — и солнце за горой,
 И запахъ липъ, и чупъ шумящи волны,
 И шорохъ нивъ, спруимыхъ въперкомъ,
 И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьёмъ,
 И пасыря въ долину пѣснь просная —
 Веселіемъ всю душу распворяя,
 Съ прелесною сливалось мечпой:
 Вся жизни даль являлась предъ тобой!
 И ты, воспоргъ предчувствіемъ счиная,
 Въ событіе надежду обращалъ!
 Природа шажъ! . . . но гдѣ очарованъе?
 Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ пропалъ!
 Предъ опыпомъ умолкло упованъе!
 Чпо въ оны дни будило радоспъ въ насъ,
 То въ насъ шечерь унылоспъ пробуждаентъ;
 Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
 Чпо ничего намъ жизнь не общаетъ.

И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣхъ лѣтъ!
 О бѣдѣ, кто себя переживетъ!
 Предъ кѣмъ сей міръ, споль нѣкогда веселый,
 Какъ опчій домъ, ужасно опустѣлый!
 Тамъ въ спарину все жило, все цвѣло,
 Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели:
 Но время все ополоу унесло,
 И съ милыми веселья улѣпѣли!
 Онъ ихъ зоветъ ему опвѣща нѣтъ!
 Въ его глазахъ развалины унылы!
 Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
 Упращенныхъ безмолвныя могилы!

...!

Неси жъ шуда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
 Спокойнымъ сномъ въ пріюмъ гроба спятъ,
 Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы!
 Воздвигнемъ, другъ, шамъ памятникъ проспой
 Ихъ бынія и скорбной нашей прапы!
 Одинъ исчезъ изъ обласпи земной
 Въ обьяніяхъ веселыя Надежды!
 Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
 Съ усиленъ его смыкались вѣжды;
 Онъ сыповалъ, на вѣкъ перья свѣтъ —
 Гдѣ милаго споль много оспавалось —
 Чшо быніе такъ рано прекращалось!

Но онъ и въ гробъ Мечтой сопровождень!
 Другой . . . спарикъ! . . . сколь былъ онъ изумлень
 Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
 Не надъ его одрахшею главою,
 Надъ юношью обрушилась прекрасной!
 Онъ не рошпаль! но съ тихой поскою
 Смопрѣль на прагъ покоя и могилы —
 Увы! памъ ждалъ его соупникъ милый!
 Онъ мыслию, безмолвный предъ судьбой,
 Взывалъ къ Творцу: да пройдеъ чаша мимо!
 Она прошла и мы въ сей край незримой
 Лепимъ душой за милыми во слѣдъ;
 Но къ намъ опъ нихъ желанной въспи нѣтъ!
 Лишь пайное живеъ въ насъ ожиданье! . . .
 Когдажъ? когда? . . . другъ милый, упованье!
 Гробами ихъ рубежъ означенъ понъ,
 На коемъ насъ свободы геній ждѣтъ
 Съ спокойспвиемъ, безчувспвиемъ, забвеньемъ!
 Пришедъ пуда, о другъ! съ какимъ презрѣнемъ
 Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
 Гдѣ милое одинъ минупный цвѣтъ,
 Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ;
 Гдѣ мнѣніе надъ совѣспью власпишеть;
 Гдѣ все, мой другъ, иль жерпва иль губишеть! . . .
 Дай руку, брапъ! какъ знапъ, куда нашъ пупъ
 Насъ приведеъ, и скороль онъ свершпся,

И что еще во мглѣ судьбы шайтся —
 Но дружба намъ звѣздой опрады будь!
 О прочемъ здѣсь оспанемся безпечны!
 Намъ счастья нѣтъ! за то и мы — не вѣчны!

СТАРИЦЪ ЭВЕРСУ.

14 Августа 1815.

(Послѣ послѣднихъ, даннаго Студентомъ
 Деривскато Унверситета).

И что еще во твоем сердце —
 Неужели ждала я когда-то
 О твоем злом роковном
 Имя твоем — не слышала!

СТАРЦУ ЭВЕРСУ.

14 Августа 1815.

(Писано послѣ праздника, даннаго Спуденшами
Дерпшскаго Университета).

СТАВЛЯЮЩАЯ

1815

(Възможно посылать и в другие страны, если только они будут
в состоянии принимать их.)

191

СТАРЦУ ЭВЕРСУ.

Вспулая въ кругъ счастливецъ молодыхъ,
Я мыслить шамъ — на мигъ поварищъ ихъ —
Съ веселыми весельемъ подѣлился,
И юношей блаженствомъ насладишся....
Но въ семь кругу меня мой Геній ждалъ!
Тамъ Эверсъ мнѣ на братство руку далъ....
Благодарю, хранипель - Провидѣнье!
Могуль забышь священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукъ пвоей свяпой
Я прикоснушь дерзнулъ успа съ лобзаньемъ,
Когда спояль пы, спарець, предо мной
Съ опеческимъ мнѣ счастья желаньемъ!
О спарець мой, въ прекрасныхъ дняхъ пвоихъ
Не пропадешъ и сей прекрасный мигъ,

Величіемъ души запечатлѣнный —
 Но для тебя я былъ пришлецъ мгновенный;
 Какъ другъ *всего*, и мнѣ ты другомъ былъ;
 Ты съ нѣжностью меня благословилъ,
 Нечаянно въ сей жизни повспрѣчавши!
 Уже опселя ты въ лучшій смонринъ свѣтъ,
 И мой тебѣ незнаемъ будетъ слѣдъ!
 Но я, едва полжизни испытавши,
 Едва сошедъ съ предѣла раннихъ лѣтъ
 (Не съ лучшею, не съ легкою судьбою,
 И можетъ быть, пунъ долгій предо мною!)
 Мысль о тебѣ, о бранъ священный мой,
 Какъ Божій даръ, возьму на жизнь съ собой!
 Бранъ Эверса!... шакъ! я сказанъ дерзаю,
 Чпо имени сего всю цѣну знаю!
 Въ семь имени мой долгъ изображень!
 Не бѣдень! пошъ, кпо счастья не лишенъ:
 Предъ добрыми душою согрѣванъ!
 Кпо мыслию способенъ возвышанъ,
 Зря благоспи величественный ликъ!
 О! сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
 Когда твоя рука мнѣ руку сжала!
 Мнѣ лучшею земная жизнь предспала,
 Училищемъ для неба здѣшній свѣтъ!
 „Не уныванъ, хопя и счастья нѣтъ!
 Жданъ въ шипинъ и поминъ Провидѣнье!

Прекрасному — *текущее мгновенье!*
 Грядущее — *безпечно небесамъ!*
 Чпо мрачно *здѣсь*, по *будеть ясно тамъ!*
 Земная жизнь, какъ *спранница крилапа,*
 Съ печалями *онъ гроба улепишь!*
 Чпо было въ ней для *добраго упрапа,*
 То жизнь ему *другая возврапишь!*“
 Вопъ правила для *Эверсова брапа.*

Я зрѣлъ вчера: *сходя на край небесъ,*
 Какъ Божесиво, насъ *солнце покидало;*
 Свершивъ свой день, *прощальной лучъ бросало*
 Оно съ *высопъ на холмъ и доль и лѣсъ,*
 И, *пихой блескъ оспавя на закапъ,*
 Опъ насъ къ *другимъ скапилось небесамъ!...*
 О! сколько мнѣ *красопъ явилось шамъ!*
 Я *вспомянуль о Небомъ данномъ брапъ;*
 О *днѣ его; о ясной пишинѣ*
 И *сладоспномъ на вегеръ сянъи;*
 Я *вспомянуль о нѣжномъ завѣщанъи,*
 Оспавленномъ въ *названъи брапа мнѣ —*
 И мужесиво мнѣ въ *душу пробѣжало!....*
 Благословижъ *меня, священный другъ!*
 Чпобъ на *пуши меня ни ожидало,*
 Опныпъ мнѣ, какъ *благопворный духъ,*

Сопутникомъ свое въспоминанье.
 Гдѣбъ ни былъ я, мой спарець - брагъ со мной!
 И тихое вечернее сіянье,
 Съ моею объ немъ бесѣда душой —
 Таинственный символъ его завѣща —
 Училищемъ опытнымъ будешь мнѣ:
 „Своей здышнѣй пупъ окончить въ пишинѣ!“
 И въспутникомъ прекраснѣйшаго свѣща.

Р О М А Н С Ы

И

П Ъ С Н И.

Р О М А Н С Ы

В Б С Н

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

Дубрава шумитъ;
Сбираются пучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица - краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ;

„Душа опцѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкій удѣлъ!
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ! полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась:
Жила, и любила.... и друга лишилась!

„Текипе спруёй
 Вы, слезы горючи;
 Дубравы дремучи,
 Тоскуйпе со мной;

Уже не видапъ мнѣ веселія дней;
 Проспилась, проспилась я съ жизнью моей;
 Мой другъ не воскреснепъ! чпо было, не будетъ!...
 Чпожъ сердце минувшихъ упѣхъ не забудешъ?

„Ахъ! скороль пройдупъ
 Унылые годы?
 Съ весною — Природы
 Красы разцвѣтупъ....

Но сладкое счастье не дважды цвѣпепъ!
 Пускай же драгое въ слезахъ оживепъ!
 Любовь, пы погнбла! пы, радость, умчалась!
 Одна о минувшемъ попка мнѣ оспалась!

М А Л Ь В И Н А .

Съ шѣхъ поръ, какъ пы пльнень другою,
Мальвина вянеть въ цвѣтъ лѣтъ;
Мнѣ свѣтъ прелесненъ былъ побою;
Теперь — проси прелесный свѣтъ!
Ахъ! не опринь любви моленья!
Приди... не сердце мнѣ опдашь,
Но взоръ попухшій мой принявъ
Въ минушу смертнаго помленье.

Спыши! спыши! близка кончина!
Смопри, какъ въ часъ послѣдній свой
Твоя перзаеися Мальвина
Спыдомъ, любовью и поскою!
Не смерни спрашной содроганье,
Не пускль и недвижный взглядъ,
Тебѣ, о милый, возвѣспянь,
Чшо жизни кончилось спраданье.

Ахъ! нѣтъ!... когдажъ Мальвины муку
 Не услаждаетъ твоей приходъ;
 Когда хладѣющую руку
 Она тебѣ не подаётъ;
 Когда забытъ мой другъ единый,
 Мой взоръ преспалъ его искалъ,
 Душа преспала обожаешь:
 Тогда — тогда ужъ нѣтъ Мальвины!

Ц В Ъ Т О К Ъ.

Минувшая краса полей,
Цвѣпокъ увядшій, одинокой,
Лишень ны прелести своей
Рукою осени жестокой!

Увы! намъ пошъ же данъ удѣлъ,
И пошъ же рокъ насъ угнетаетъ:
Съ тебя листочикъ облепѣлъ —
Опъ насъ веселье оплетаетъ.

Опъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту иль наслаждение,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденіе.

Смогри очарованья нѣтъ!

Звѣзда надежды угасаетъ! . . .

Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ

Быспрѣе въ мѣръ исчезаетъ?

П Ъ С Н Ъ А Р А Б А

НАДЪ МОГИЛОЮ КОНЯ.

Сей другъ, кого и въпрѣ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пуспынныхъ палъ!

О пупникъ! со мною спраданье дѣли;
Царь быспраго бѣга просперитъ на земли;
И воздухомъ брани уже онъ не дышитъ;
И грознаго ржанья пуспыня не слышитъ;
Въ спремленьи Погибель его нагнала;
Вонзенная въ выю дрожала спрѣла;
И кровь благородна спруею бѣжала;
И влагу пошока спруя обаграла.

Сей другъ, кого и въпръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спипъ — назыбкій одръ песковъ пуспынныхъ палъ!

Убійцу сразила моя булава;
На прахъ опдѣленна скапилась глава;
Жельзо вкусило наипокъ кровавый,
И прупъ исплѣваепъ въ пуспынѣ безъ славы....
Но спипъ онъ, со мною лепавшій на брань;
Трикраны воззвалъ я: сопутникъ, возспанъ!
Воззвалъ.... безопвѣпенъ.... утаснула сила....
И бранныя коспи одѣла могила!

Сей другъ, кого и въпръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спипъ — назыбкій одръ песковъ пуспынныхъ палъ!

Съ шого незабвенна погибели дня
И солнце не свѣпипъ съ небесъ для меня;
Забылъ о побѣдѣ, и въ мышцахъ нѣпъ силы;
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый;
Теменя досель драгіе края
Уже не опчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей другъ, кого и въпрѣ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спишь — на зыбкій одръ песковъ пуспынныхъ палъ!

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
Ко древу прохлады, къ спрувъ ключевой;
И Мавра топтали могущи копыта;
И грудь опъ пропивныхъ была мнѣ зацѣпа;
Мой вѣрный сорапникъ въ бою и шрудахъ,
Онъ, бодрый при первыхъ денницы лучахъ,
Спрѣлою, покорень вельнѣю длани,
Лепалъ на свиданья любви и брани.

О другъ! кого и въпрѣ въ поляхъ не обгонялъ,
Ты спишь — на зыбкій одръ песковъ пуспынныхъ палъ!

Ты видѣлъ и Зару — блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Успа вѣроломны тебя величали,
И нѣжныя длани хребепъ швой ласкали;
Ахъ! Зара, какъ лань, непорочна была;
Какъ юная пальма долины цвѣла;
Но Зара прищельца плѣнилась красою,
И скрылась.... шы, спупникъ, оспался со мною!

Сей другъ, кого и въпрѣ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!

О спутникъ! поскуепь твоей другъ надъ побой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупѣ воздремлемъ въ жилищѣ опрады;
Надъ нами повѣетъ дыханье прохлады;
И скоро, при гласъ великаго дня,
Изъ пыльнаго гроба испоргнувъ мѣня,
Величественъ, гордый, съ безсмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься спезёю!

Д О Б Р А Я М А Т Ъ .

Богъ въ міръ ее послалъ
Себѣ на прославленье.
„Будь скорбнымъ Провидѣнье!“
Создавъ ее, сказалъ:
„Кто, счастія лишень,
Назвалъ его мечпою,
Да будешь здѣсь побою
Съ надеждой примирень.“

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвласпный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаешь,
И снова обрѣшаешь
Онъ добродѣшель въ ней.

Чпожь Богъ въ награду далъ
 Сихъ доблесней чудесныхъ?
 Двухъ Ангеловъ прелесныхъ
 Онъ съ неба къ ней послалъ,
 Чпобъ въ сей юдоли слезъ
 Ее не покидали,
 И на земль являли
 Ей радости небесъ.

П Л О В Е Ц Ъ.

Вихрь бѣспія гонимый,
 Безъ кормла и весла,
 Въ океанъ неисходимый
 Буря чолнъ мой занесла.
 Въ пучахъ звѣздочка свѣпилась;
 Не скрывайся! я взывалъ;
 Непоклонная сокрылась;
 Якорь былъ — и шопъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою;
 Всколыхалися валы;
 Бездны въ мракъ предо мною;
 Вкругъ ужасныя скалы.
 „Ныпъ надежды на спасенье!“
 Я рошпалъ, унывъ душой
 О безумецъ! Провидѣнье
 Было тайный кормщикъ швой.

Невидимою рукою
 Сквозь ревущіе валы,
 Сквозь одыпы бездны мглою,
 И грозящія скалы,
 Мощный вель меня хранипель!
 Вдругъ — все пихо! мракъ исчезъ!
 Вижу райскую обипель
 Въ ней прехъ Ангеловъ небесъ.

О спасипель - Провидѣнье!
 Скорбный ропотъ мой упихъ.
 На колѣняхъ, въ восхищенъ,
 Я смопрю на образъ ихъ.
 О! кто прелесъ ихъ опишешъ?
 Кто ихъ силу надъ душой?
 Все окресъ ихъ небомъ дышешъ,
 И невинностью свяпой.

Неиспытанная радосъ!
 Ими жишь, для нихъ дышащъ!
 Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладосъ
 Въ душу, въ сердце принимащъ!
 О судьба! одно желанье:
 Дай всѣ блага имъ вкусищъ!
 Пусъ имъ радосъ — мнѣ спраданье!
 Но не дай ихъ пережищъ!

П Ъ С Н Я.

Счастливы погы, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ пѣни дубравы,
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье — какъ и прежде!
Что на радость лишь глядишь,
Что, вѣряся надеждѣ,
Птичкой въ слѣдъ за ней летишь!

Такъ вилаетъ по цвѣпочкамъ
Запорою мотылёкъ;
Лишь къ цвѣтку — прильнулъ къ лепесткамъ,
Поднялся — забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лелея —
Онъ лепишь на анемонъ;
Что его — то и милѣе;
Грусть забвеніемъ лечишь онъ.

Бѣденъ попѣ, кому забавы,
 Игры, майскіе цвѣты,
 Соловей въ пѣни дубравы,
 И весеннихъ лѣтъ мечты
 Не въ веселье — шакъ какъ прежде!
 Кпо улыбку позабылъ,
 Кпо, сказавъ: проспи! надеждѣ,
 Взоръ ко гробу успремилъ!

Для души моей плѣненной
 Здѣсь одинъ и былъ цвѣпокъ,
 Ароматный, несравненной!
 Я сорвалъ!... но чпо же Рокъ?
 „Не тебѣ имъ насладишься!
 Не пвоимъ ему доцвѣспъ!“
 Ахъ! жестокій! чѣмъ же льспишься?
 Гдѣ подобный въ міръ еспъ?

П Ъ С Н Я.

Мой другъ, хранипель-ангель мой!
О пы, съ копорой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но гдѣ для спроси выраженья?
Во всѣхъ Природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелесныхъ вижу — въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо — имъ начерпашъ
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославляшъ
Могу на лиръ восхищенной;
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали
Тебя любилъ — одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты сердцу жизнь, пы жизни сладость;

Въ пуспынѣ, въ шумѣ городскомъ
 Одной тебѣ внимать мечпаю;
 Твой образъ, забываясь сномъ,
 Съ послѣдней мыслию сливаю;
 Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
 Со мной во снѣ не распадется;
 Проснусь — и ты въ душѣ моей
 Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣль разлуку знать съ тобой?
 Ты всюду спутникъ мой незримый;
 Молчишь — мнѣ взоръ понянень твой,
 Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
 Я въ сердце твое приѣмлю гласъ;
 Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ....
 Воспюрги, кто поспигнетъ васъ,
 Тебя, души очарованье?

Тобой, и для одной тебя
 Живу и жизнью наслаждаюсь;
 Тобою чувствую себя;
 Въ тебѣ Природѣ удивляюсь;
 И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
 Чего желать въ полѣ сладкой долѣ?
 Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я люблю
 Еще спокрашъ желать бы боль!

П Ъ С Н Я.

О милый другъ! пейеръ съ побою радоспъ!
А я одинъ — и мой печалень пунъ;
Живи, вкушай невинной жизни сладоспъ;
Въ душъ не измѣнись; доспойна счаспья будъ....
Но не опринъ, въ полгъ плѣняемыхъ побою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли — ему опрадой будъ;
Его, мой другъ, не позабудъ!

О милый другъ! намъ Рокъ велѣлъ разлуку;
Дни, мѣсяцы и годы пролешашъ:
Вошше къ тебѣ проспиру опъ сердца руку —
Ни голосъ пвой, ни взоръ меня не усладашъ!
Но и вдали моя душа съ пвоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣспу не подвласпина;
Всегда, вездѣ пы мой хранипель-ангель будъ;
Меня, мой другъ, не позабудъ!

О милый другъ! пускай будетъ прахъ холодный
 То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
 Еснѣ лучший міръ! тамъ мы любили свободны;
 Туда моя душа ужъ все перенесла;
 Туда всечасное влечетъ меня желанье;
 Тамъ свидимся опянь; тамъ наше воздаянье;
 Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь —
 Меня, мой другъ, не позабуди!

ЖАЛОБА.

Надъ прозрачными водами
Сидя, рваль Усладъ вънокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣпы пошокъ.
„Такъ бѣгунъ льпа младыя
Невозвратною спруей!
Такъ всѣ радости земныя
Цвѣпъ увядшій полевою!

„Ахъ! безвременной поскою
Умерщвленъ мой юный цвѣпъ;
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣпъ;
Я смопрю — и холмъ веселой,
И поля омрачены —
Для души осиротѣлой
Пѣпъ цвѣпущія весны!

Чпо въ Природѣ, озаренной
 Красотою майскихъ дней?
 Еспь одна во всей вселенной —
 Къ ней душа, и мысль объ ней!
 Къ ней спремлю, забывшись, руки —
 Милый призракъ прочь лепить....
 Кпожь мои услышнть муки,
 Жажду сердца утолить?..

Ц Ъ В Е Ц Ъ .

Въ тѣни деревь, надъ чистыми водами
Дерновѣй холмъ вы видѣли, друзья?
Чуть слышно шамъ плескаеть въ брегъ спруя;
Чуть въперокъ шамъ дышетъ межъ листьями;
На выпяхъ лира и вънецъ . . .
Увы! друзья! сей холмъ — могила!
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла!
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ проси, онъ нѣженъ былъ душою —
Но въ мѣръ онъ минувшій спранныкъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ;
И ждалъ конца съ волненьемъ и поскою;
И рано вспрыпиль онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы . . .
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ! —

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку —
 Но вѣрный другъ во пѣньѣ дѣшъ угасъ!
 Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ:
 Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!

Теперь всему, всему конецъ!
 Твоя душа покой вкусила;
 Ты спишь; пѣха пѣвоя могила,
 Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь, у ручья, вечернею порою,
 Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
 „О красный міръ, гдѣ я вошше разцвѣлъ,
 Проспи на вѣкъ! съ обманушой душою
 Я счастья ждалъ — мечтамъ конецъ!
 Погибло все! умолкни, лира!
 Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
 Бѣдный пѣвецъ!“

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
 Блаженство знаешь, къ нему лепѣшь душой,
 Но пропалъ зрѣшь межъ нимъ и межъ собой;
 Желанъ всякъ часъ и прещепанъ желанья....
 О признанъ горесныхъ сердецъ,
 Могила, вѣрный путь къ покою,
 Когда же будешь взявъ побою
 Бѣдный пѣвецъ?“

И нѣтъ пѣвца! . . . его не слышно лиры! . . .
 Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
 И скорбно все въ долину, на холмахъ;
 И все молчитъ . . . лишь тихіе зephyры,
 Колебля вѣнущій вѣнецъ,
 Порою вѣютъ надъ могилой,
 И лира вѣпоритъ имъ уныло:
 Бѣдный пѣвецъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Дней моихъ еще весною
 Оптѣй домъ покинулъ я;
 Все забыто было мною —
 И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
 Съ дѣпской въ сердце проспошой,
 Я пошелъ пупемъ-дорогой —
 Вѣра былъ вожапый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣренъ,
 Пупь казался не далѣкъ.
 „Странникъ — слышалось — терпѣнье!
 Прямо, прямо на воспокъ!

Ты увидишь храмъ чудесной;
 Ты въ святилище войдешь;
 Тамъ въ неплынности небесной
 Все земное обрѣнешь!“

Утро вечеромъ смѣнялось;
 Вечеръ утро успуналъ:
 Незвѣстное скрывалось;
 Я искалъ — не обрѣпалъ.

Тамъ вспрѣчались мнѣ пучины;
 Здѣсь высокихъ горъ хребты;
 Я взбирался на спремнины;
 Чрезъ попоки сплалъ мосшы.

Вдругъ рѣка передо мною —
 Водъ склоненье на воспокъ;
 Вижу зыблемый спруёю
 Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятенѣ;
 Предаю себя волнамъ;
 Счастье вижу въ опдаленѣ;
 Все, что мило — мнился — шамъ!

Ахъ! въ безвѣспномъ океанѣ
 Очупился мой челнокъ;
 Даль по прежнему въ шуманѣ;
 Брегъ невидимъ и далѣкъ.

И во вѣки надо мною
 Не сольется, какъ поднесъ,
 Небо свѣтлое съ землёю
 Тамъ не будешь вѣчно здѣсь!

СИРОТКА.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома спала;
Веселье спутникъ дѣтскихъ лѣтъ;
А ей судьба въ немъ опказала.
Въ семьѣ помилась сиротой;
Ее грядущее спрашило
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провидѣнье!
Въ Твоемъ владѣннн нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропошъ — заблужденье!
Всегда къ добру твоей пупъ ведѣтъ.

Среди неистовыхъ враговъ
 Сиротка маперью забыта;
 Сторѣль ея родимый кровь,
 И ей невинность не защита;
 Но бѣдный съ нищенской клюкой
 Ей Богомъ посланъ во спасенье
 На край бездны Провидѣнье
 Сдружило Слабость съ Нищетою!
 О Промыслъ, спутникъ невидимый
 И сиротства и нищеты!
 Сколь часто путь непоспѣжимый
 Къ спасенью избираешь ты!

И породнившись судьбой,
 Сиротка и спарикъ убогой,
 Безъ претѣни, рука съ рукой,
 Пошли погибельной дорогой;
 Дорога бѣдныхъ привела
 Въ госпепріимную обитель
 Имъ былъ Всевышній предводителъ;
 Ихъ милость въ признаніи ждала.
 О Ты, святое Провидѣнье!
 Сколь намъ Твой безопасень слѣдъ
 Творишь изъ гибели спасенье;
 Ведешь къ добру спезею бѣдъ.

Играй, дитя! гроза прошла!
 Ужасный гром ударил мимо!
 Тебя мать добрая нашла
 На мѣсто мапери родимой;
 Дорога жизни предъ побой
 Цвѣтами счастья покрыва....
 Молись же, чѣмъ Творецъ зашита
 Былъ той, кто здѣсь хранилъ пвой!
 Услышь младенца, Провидѣнье!
 Прими ее подъ шипъ любви:
 Она чужихъ дѣтей спасенье —
 Ея дѣтей благослови!

Ж Е Л А Н І Е.

Озарися, доль шуманный!
Разспулися, мракъ гуспой!
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Изпещренныя цвѣтами,
Красны холмы вижу шамъ
Ахъ! зачѣмъ я не съ крилами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ!

Тамъ поютъ согласны лиры;
(Сладкій голосъ Тишины!)
Мчатъ ко мнѣ опшоль зephyры
Благовопія весны;
Тамъ блестятъ плоды злапые
На сѣниспыхъ деревьяхъ;
Тамъ не слышны вихри злые;
На пригоркахъ, на лугахъ

О предѣль очарованья!
 Какъ прелесна памь весна!
 Какъ опь юныхъ розъ дыханья
 Тамъ душа оживлена!
 Полечу туда . . . напрасно!
 Ныпъ пупей къ симъ берегамъ!
 Предо мной попокъ ужасной
 Грозно мчипся по скаламъ.

Лодку вижу гдѣжь вожапый?
 Ёдемь! будь, чпо суждено! . . .
 Паруса ея крилапы,
 И весло оживлено!
 Вѣрь пому, чпо сердце скажетъ;
 Ныпъ залоговъ опь небесъ!
 Намъ лишь чудо пупь укажетъ
 Въ сей прелесный край чудесъ!

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ,

ВЛЕТѢВШЕМУ ВЪ ЕГО ТЕМНИЦУ.

Откуда ты, эфира житель?
Скажи, нежданный госпъ небесъ!
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ сію печальную обитель?
Увы! денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не доспигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ!

Сколь сладостно твое явленіе!
Знаешь, милый госпъ мой, съ высоты
Справедльца вздохъ слышалъ ты —
Тебя примчало сожалѣніе!
Увы! убиная поскою
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла;
Надежда ясная влещѣла
Въ темницу къ узнику съ побой!

Скажижъ, любимый другъ Природы,
 Всъ пѣ жель неба красоты?
 По прежнемуль въ лутахъ цвѣтны?
 Душиспыль роши? ясныль воды?
 По прежнемуль въ пиши нощной
 Поепть дубравная пѣвица?
 Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
 Скажи, чпо сдѣлалось съ весной?

Дай вѣспѣ услышанѣ о свободѣ!
 Слыхаль ли пѣснь ея въ горахъ?
 Ее видалъ ли на лугахъ
 Въ одушевленномъ хороводѣ?
 Ахъ! зрѣль ли милую спрану,
 Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
 Все та жель тамъ краса Природы?
 Все такъ ли тамъ, какъ въ спарину?

Весна сихъ сводовъ не видала;
 Ты не найдешь на нихъ цвѣпка;
 На нихъ запворниковъ рука
 Спраданій повѣспѣ начерпала;
 Не долепаепъ къ симъ спѣнамъ
 Зефира легкое дыханье:
 Ты внемлешь здѣсь одно спенанье;
 Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ!

Лешижъ, леши къ свободѣ въ поле!
 Оспавъ сей бездны глубину!
 Спиши прожитъ твою весну —
 Другой весны не будетъ боль!
 Спиши, творенія краса!
 Тебя зовутъ луга шелковы:
 Тамъ прихоти — твои оковы;
 Твоя темница — небеса.

Будь весель, господь мой легкокрылой,
 Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ.....
 Быть можешь, двухъ младенцевъ шамъ
 Ты вспрыпшишь съ маперью унылой.
 Ахъ! еслибъ могъ ны усладить
 Ихъ муку радости словами!
 Сказашъ: онъ живъ! онъ дышитъ вами!...
 Но — ны не можешь говорить!

Увы! хощь крыльями злыми
 Моихъ младенцевъ ны прельсти;
 По правкѣ ниго полети,
 Какъ бы хощьль бытъ пойманъ ими;
 Тебѣ помчашся въ слѣдъ они,
 Добычи милыя желая;
 Ты ихъ, съ цвѣпка на цвѣтъ порхая,
 Къ моей темницѣ примани!

Забавъ ихъ зришель равнодушной,
 Пойдешь за ними въ слѣдъ ихъ масть —
 Ты будешь пупъ ихъ услаждашь
 Своею рѣзвостью воздушной.
 Любовь ихъ мой послѣдній щипъ;
 Они спрадальцу Провидѣнье;
 Сиропъ священное моленье
 Тюремныхъ спражей побѣдишь.

Падутъ желѣзные запворы —
 Дышей, супругу, небеса,
 Родимый край, холмы, лѣса
 Опять мои увидяшь взоры! . . .
 Но чпо? . . . я цырю загремѣль!
 Сокрылся призракъ - обольщивель;
 Вспорхнулъ эфирный посьпшпель;
 Поспой! . . . но онъ ужъ улещель!

Э Л И З И У М Ъ.

Роща, гдѣ подапелъ мира,
Добрый геній смерпи спшпть;
Гдѣ румяный блескъ эфира
Съ пѣвнью зыбкихъ сѣней слипть;
Гдѣ испочника журчанье
Какъ далекій опзывъ лиръ;
Гдѣ Печаль, забывъ рошпанье,
Обрыпаепть сладкій миръ:

Съ пайнымъ препепомъ, смяпенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмерпья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,
Входипть въ сумракъ пвой Психея!
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенья,
Развила она крилѣ.

Полепѣла въ пихомъ свѣпѣ,
 Съ обновленною красой,
 Въ доль шуманный, къ шайной Лепѣ;
 Мнилось, легкою рукой
 Геній влекъ ее незримый;
 Видишь мирные дуга;
 Видишь Лепую крошимы
 Очарованны брѣга.

Въ ней надежда, ожиданье;
 Наклонилася къ водамъ,
 Усмиряющимъ спраданье
 Ликъ просперся по спруямъ!
 Такъ безоблаченъ играетъ
 Въ морѣ мѣсяцъ молодой;
 Такъ въ испочникъ сверкаетъ
 Факель Геспера златой.

Лишь фіаль воды забвенья
 Поднесла къ уснамъ она —
 Дней минувшихъ привидѣнья
 Скрылись легкой пѣнью сна.
 Заблиспала, полепѣла
 Къ очарованнымъ холмамъ,
 Гдѣ журчатъ, какъ филемела,
 Свѣплы воды по цвѣшамъ.

Все въ шоржесивенномъ молчаньѣ!
 Припаялись въперки;
 Лавровъ спихло препенанье;
 Спягъ на розахъ мошылки.
 Такъ молчало все шворенье —
 Море, воздухъ, берегъ дикъ —
 Зря пѣнисныхъ водъ рожденье
 Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Авроры!
 Никогда такой красой
 Не сіяли рощи, горы,
 Обновленныя весной;
 Мирны съ зыбкими лиспами
 Тонуть въ пурпурныхъ лучахъ;
 Розы свѣтлыми звѣздами
 Опразились въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
 Въ лѣсъ Карійскій проникалъ,
 Гдѣ, ловишвой упомянутый,
 Сладко другъ Діаны спалъ;
 Какъ спруи лѣнивой ропотъ,
 Какъ воздушной арфы звонъ,
 Разливался въ лѣсъ шопонтъ:
 Пробудись, Эндиміонъ!

М Е Ч Т Ы .

Почто такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, поской,
Куда полетъ свой успредила?
Неумолимая, поспой!
О дней моихъ весна злая,
Поспой! . . . тебѣ возвраца нѣтъ! . . .
Лепишь, молишь не внимая;
И все за ней помчалось въ слѣдъ.

О! гдѣ ты, лучъ, пушеводишель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, Надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужъ нѣтъ ее, сей вѣры милой
Къ швореньямъ пламенной мечты! . . .
Добыча испинѣ унылой
Призраковъ прежнихъ красы!

Какъ древле рукъ своихъ созданье
 Богошворилъ Питмаліонъ,
 И мраморъ внялъ любви спенанье,
 И мерпвый былъ одушевлёнъ:
 Такъ пламенно объята мною
 Природа хладная была,
 И полная моею душою,
 Она подвиглась, ожила.

И юноши дѣля желанье,
 Нѣмая обрѣла языкъ:
 Мнѣ опвѣчала на лобзанье,
 И сердца гласъ въ нее проникъ.
 Тогда и древо жизнь пріяло,
 И чувствво ощутилъ ручей,
 И мерпвое опзывомъ спало
 Пылающей души моею.

И нееспесивеннымъ спремленьемъ
 Весь міръ въ мою пѣснился грудь:
 Карпиной, звукомъ, выраженьемъ
 Во все я жизнь хопѣль вдохнупъ.
 И въ нѣжномъ сѣмени сокрыпой,
 Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ....
 Но ахъ! сколь мало въ немъ развило!
 И малое — сколь бѣдный цвѣтъ!

Какъ бодро, слѣдомъ за мечпою,
 Волшебнымъ очарованъ сномъ,
 Забошъ несвязанный уздою,
 Я жизни полетѣль пушѣмъ!
 Желанье было — исполненье;
 Успѣхъ опвагу пламенилъ;
 Ни высота, ни опдаленье
 Не ужасали смѣлыхъ крыль!

И быстро Жизни колесница
 Спезею младости шекла;
 Ее воздушная спаница
 Веселыхъ призраковъ влекла:
 Любовь съ прелесными дарами,
 Съ алмазнымъ Счастьемъ ключемъ,
 И Слава съ звѣздными вѣнцами,
 И съ яркимъ Испина лучемъ.

Но ахъ! . . . еще съ полудороги,
 Наскучивъ рѣзвою игрой,
 Вожди опспали быспроноги
 За роемъ въ слѣдъ умчался рой!
 Украдкой Счастье сокрылось;
 Измѣной Знаніе ушло;
 Сомнѣнья пучей обложилось
 Священной Испины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
 Презрѣнный славу похищаль;
 И быспро съ быспрою весною
 Прелесный цвѣтъ любви увяль;
 И все пуспынно, пихо спало
 Окресъ меня и предо мной;
 Едва Надежды лишь сіяло
 Свѣшило надъ моею пропой.

Но ктожь изъ сей толпы крылатой
 Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
 Мой до могилы провожатой,
 Учасникъ радостей и бѣдъ? . . .
 Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
 Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
 Ты, Дружба, сердца исцѣлитель,
 Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ!

И ты, товарищъ мой любимый,
 Души хранишь, какъ она,
 Другъ вѣрный, Трудъ неутомимый,
 Кому свялая власъ дана:
 Всегда шворишь, не разрушая,
 Миришь печальнаго съ судьбой,
 И силу въ сердца водворяя,
 Беречь въ немъ ясныи и покой.

П Ъ С Н Ъ
Р У С К О М У Ц А Р Ю
О Т Ъ Е Г О В О И Н О В Ъ.

THE
P. V. C. K. O. M. V. H. A. P. 13

— П Ъ С Н Ъ
Р У С К О М У Ц А Р Ю
О Т Ъ Е Г О В О И Н О В Ъ.

Гряди, нашъ Царь! Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвращь!
Вселенной рѣшена судьбина,
И низпровергнувъ сопоспашъ!
Гряди, гряди къ спранъ Своей,
Нашъ Царь, нашъ славный Вождь Царей!

Къ Его спонамъ мечи кровавы!
Къ Его спонамъ и шлемъ и щипъ!
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осьнипъ!
Ему вънцы топовыте въ дань —
Рѣшившему свящую брань!

Нашъ Царь, въ опчизну съ поля чеспи
Твою мы славу принесли!
Се громъ, Твоей свершипель меспи!
Се знамена — еще въ пыли!
Се нашей вѣрности олшарь!
Предъ нимъ обьпъ нашъ: честь и Царь!

Младый Наслѣдникъ полвселенны —
 Межь насъ впервой Ты мечъ пріялъ!
 Нашъ Царь — ко брани ополченный,
 Ты пушь намъ къ славъ указалъ!
 Нашъ Вождь — Ты былъ предпечей намъ
 Вездѣ во срыпенье врагамъ!

Скажижъ, о Вождь, гдѣ измѣнилась
 Твоя дружина предъ Тобой?
 Погибель насъ пожрать спремилась —
 Ее отбилъ нашъ швердый спрой!
 Намъ взоръ Царя, какъ Божій лучъ,
 Свѣшилъ на мгль громовыхъ пучъ!....

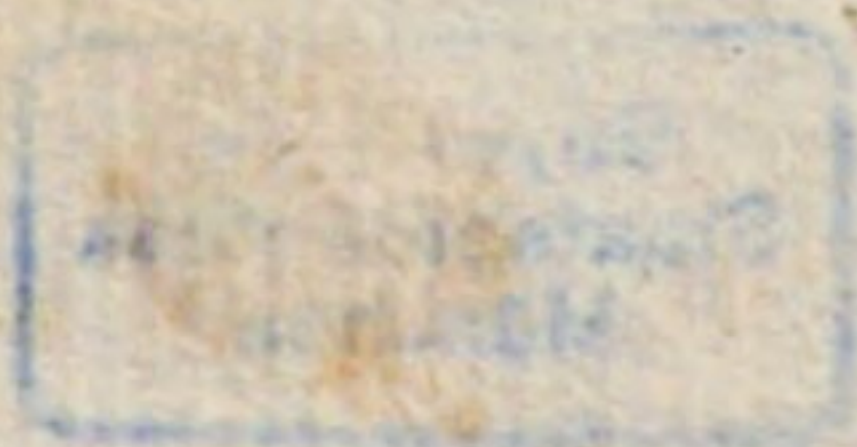
Ко мщенью Ты воззвалъ народы!
 Ты спасъ владычество Царямъ!
 Ты знамена свяпой Свободы
 Покорнымъ даровалъ врагамъ!
 И Твой покрылъ вселенну щипъ!
 И Брань окованна молчишь!

Отъ Немана до Океана
 Твоихъ профеевъ славный рядъ!
 И гдѣ парилъ орель пирана,
 Тамъ днесъ Твои орлы паряшь!
 И громъ, безмолвный въ ихъ кохпяхъ,
 На Брань и Бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь Твою возспанеть?
Пропивныхъ нѣтъ полкамъ Твоимъ!
Твой спрашный гнѣвъ съ престола грянетъ —
И Сѣверъ грянетъ въ слѣдъ за нимъ;
И казни вѣспникъ, грозный Спрахъ
Враговъ смянетъ, какъ дымъ и прахъ!

Гряди, нашъ Царь! Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвратъ!
Вселенной рѣшена судьбина,
И низпровергнутъ сопоспашъ!
Гряди, гряди къ спранъ Своей
Нашъ Царь, нашъ славный Вождь Царей!

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

Но кто из Русь Того достигнет
И кто из нас не покинет
Тот счастливый путь счастливый
И кто из нас не покинет
И кто из нас не покинет
И кто из нас не покинет

Тот счастливый путь счастливый
И кто из нас не покинет
И кто из нас не покинет
И кто из нас не покинет
И кто из нас не покинет
И кто из нас не покинет

Конкретный текст

Schele XI / HXIN I

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Stichotvorenija Vasilija Žukovskago

Bd.: 1. Liričeskija stichotvorenija, poslanija, romansy i pjesni. - 1815. -
247 S. : 1 Ill.

Sanktpeterburg 1815

Res/4 P.o.russ. 8 g-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10908420-3